

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Мещане. Максим Горький

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бессеменов, Василий Васильев, 58 лет, зажиточный мещанин, старшина малярного цеха.

Акулина Ивановна, жена его, 52 года.

Петр, бывший студент, 26 лет; Татьяна, школьная учительница, 28 лет, его дети.

Нил, воспитанник Бессеменова, машинист, 27 лет.

Перчихин, дальний родственник Бессеменова, торговец певчими птицами, 50 лет.

Поля, его дочь, швейка, работает в семьях поденно, 21 год.

Елена Николаевна Кривцова, вдова смотрителя тюрьмы, живет на квартире у Бессеменовых, 24 года.

Тетерев, певчий; Шишкин, студент, нахлебники у Бессеменовых.

Цветаева, учительница, подруга Татьяны, 25 лет.

Степанида, кухарка.

Баба с улицы.

Мальчишка, маляр.

Доктор.

Место действия – маленький провинциальный город.

ОБСТАНОВКА

Комната в зажиточном мещанском доме. Ее правый угол отрезан двумя глухими переборками; они выступают в комнату прямым углом и, стесняя задний план ее, образуют на переднем еще маленькую комнату, отделенную от большой деревянной аркой. В арке протянута проволока, на ней висит пестрый занавес. В задней стене большой комнаты – дверь в сени и другую половину дома, где помещается кухня и комнаты нахлебников. Слева от двери – огромный, тяжелый шкаф для посуды, в углу сундук, справа – старинные часы в футляре. Большой, как луна, маятник медленно качается за стеклом, и, когда в комнате тихо, слышится его бездушное – да, так! да, так! В левой стене – две двери: одна в комнату стариков, другая – к Петру. Между дверями печь, облицованная белыми изразцами. У печи – старый диван, обитый клеенкой, перед ним – большой стол, на котором обедают, пьют чай. Дешевые венские стулья с тошнотворной правильностью стоят у стен. Слева же у самого края сцены – стеклянная горка, в ней – разноцветные коробочки, пасхальные яйца, пара бронзовых подсвечников, ложки чайные и столовые, несколько штук серебряных стаканчиков, стопок. В комнате за аркой, у стены против зрителя – пианино, этажерка с нотами, в углу кадка с филодендроном. В правой стене – два окна, на подоконниках – цветы, у окон – кушетка, около нее – у передней стены – маленький стол.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер, около пяти часов. В окна смотрит осенний сумрак. В большой комнате – почти темно. Татьяна, полулежа на кушетке, читает книгу, Поля у стола – шьет.

Татьяна (читает). «Взошла луна. И было странно видеть, что от нее, такой маленькой и грустной, на землю так много льется серебристо-голубого, ласкового света»...

(Бросает книгу на колени себе.) Темно.

Поля. Зажечь лампу?

Татьяна. Не надо! Я устала читать...

Поля. Как это хорошо написано! Просто так... и грустно... за душу берет... (Пауза.) Ужасно хочется знать – какой конец? поженятся они – иль нет?

Татьяна (с досадой). Не в этом дело...

Поля. А я бы такого не полюбила... нет!

Татьяна. Почему?

Поля. Скучный он... И всё жалуется... Неуверенный потому что... Мужчина должен знать, что ему нужно делать в жизни...

Татьяна (негромко). А... Нил – знает?

Поля (уверенно). Он знает!

Татьяна. Что же?

Поля. Я... не могу вам это рассказать... так просто, как он говорит... Но только – дурным людям... злым и жадным – плохо будет от него! Не любит он их...

Татьяна. Кто – дурен? И кто – хорош?

Поля. Он знает!.. (Татьяна молчит, не глядя на Полю. Поля, улыбаясь, берет книгу с ее колен.) Хорошо это написано! Она очень уж привлекательная... такая прямая, простая, душевная! Вот как видишь женщину-то, в милом образе описанную, так и сама себе лучше кажешься...

Татьяна. Какая наивная... смешная ты, Поля! А меня – раздражает вся эта история! Не было такой девушки! И усадьбы, и реки, и луны – ничего такого не было! Всё это выдуманно. И всегда в книгах описывают жизнь не такой, какая она на самом деле... у нас, у тебя, например...

Поля. Пишут про интересное. А в нашей жизни – какой интерес?

Татьяна (не слушая, с раздражением). Мне часто кажется, что книги пишут люди... которые не любят меня и... всегда спорят со мной. Как будто они говорят мне: это лучше, чем ты думаешь, а вот это – хуже...

Поля. А я думаю, что все писатели непременно добрые... Посмотрела бы я на писателя!..

Татьяна (как бы сама с собою). Дурное и тяжелое они изображают не так, как я его вижу... а как-то особенно... более крупно... в трагическом тоне. А хорошее – они выдумывают. Никто не объясняется в любви так, как об этом пишут! И жизнь совсем не трагична... она течет тихо, однообразно... как большая мутная река. А когда смотришь, как течет река, то глаза устают, делается скучно... голова тупеет, и даже не хочется подумать – зачем река течет?

Поля (задумчиво глядя пред собой). Нет, Я бы посмотрела на писателя! Вы читали, а я нет-нет да в подумаю – какой он? Молодой? старый? брюнет?..

Татьяна. Кто?

Поля. Вот этот писатель...

Татьяна. Он умер...

Поля. Ах... жалко как! Давно? Молодой?

Татьяна. Средних лет. Он пил водку...

Поля. Бедненький... (Пауза.) И почему это – умные люди пьянствуют? Вот этот, нахлебник ваш, певчий... он ведь умный, а – пьет... почему это?

Татьяна. Жить скучно...

Петр (заспанный, выходит из своей комнаты). Экая тьма! Кто это сидит?

Поля. Я... и Татьяна Васильевна...

Петр. Что ж вы огонь не зажжете?

Поля. Мы сумерничаем...

Петр. В мою комнату от стариков запах деревянного масла проходит... Должно быть, от этого во сне видел, будто плыву по какой-то реке, а вода в ней густая, как деготь... Плыть тяжело... и я не знаю – куда надо плыть... и не вижу берега. Попадаются мне какие-то обломки, но когда я хватаюсь за них – они рассыпаются в прах... гнилые, трухлявые. Ерунда... (Насвистывая, шагает по комнате.) Пора бы чай пить:

Поля (зажигая лампу). Пойду, похлопочу... (Уходит.)

Петр. По вечерам у нас в доме как-то особенно... тесно и угрюмо. Все эти допотопные вещи как бы вырастают, становятся еще крупнее, тяжелее... и, вытесняя воздух, – мешают дышать. (Стучит рукой в шкаф.) Вот этот чулан восемнадцать лет стоит на одном месте... восемнадцать лет... Говорят – жизнь быстро движется вперед, а вот шкафа этого она никуда не подвинула ни на вершок... Маленький я не раз разбивал себе лоб о его твердыню... и теперь он почему-то мешает мне. Дурацкая штука... Не шкаф, а какой-то символ... чёрт бы его взял!

Татьяна. Какой ты скучный, Петр... Тебе вредно жить так...

Петр. Как это?

Татьяна. Ты нигде не бываешь... только наверху у Лены... каждый вечер. И это очень беспокоит стариков... (Петр, не отвечая, ходит и свищет.) Знаешь – я стала сильно уставать... В школе меня утомляет шум и беспорядок... здесь – тишина и порядок. Хотя у нас стало веселее с той поры, как переехала Лена. Да-а, я очень устаю! А до праздников еще далеко... Ноябрь... Декабрь. (Часы бьют, шесть раз.)

Бессеменов (высовывая голову из двери, своей комнаты). Засвистали козаченьки! Прощение-то, поди-ка, опять не написал?

Петр. Написал, написал...

Бессеменов. Насилу-то удосужился... эхе-хе!

(Скрывается.)

Татьяна. Какое это прошение?

Петр. О взыскании с купца Сизова 17 р. 50 к. за окраску крыши на сарае...

Акулина Ивановна (выходит с лампой). А на дворе-то опять дождик пошел. (Подходит к шкафу, достает из него посуду и накрывает на стол.). Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно. Старый дом-то... продувает... охо-хо! А отец-то, ребяташки, опять сердитый... поясницу, говорит, ломит у него. Тоже старый... а всё неудачи да непорядки... расходы большие... забота.

Татьяна (брату). Ты вчера у Лены сидел?..

Петр. Да...

Татьяна. Весело было?

Петр. Как всегда... пили чай, пели... спорили...

Татьяна. Кто с кем?

Петр. Я с Нилом и Шишкиным.

Татьяна. По обыкновению..

Петр. Да. Нил восторгался процессом жизни... ужасно он раздражает меня... проповедью бодрости, любви к жизни... Смешно! Слушая его, начинаешь представлять себе эту никому не известную жизнь... чем-то вроде американской тетушки, которая вот-вот явится и осыплет тебя разными благами... А Шишкин проповедовал пользу молока и вред табака... да уличал меня в буржуазном образе мыслей.

Татьяна. Всё одно и то же...

Петр. Да, по обыкновению..

Татьяна. Тебе... очень нравится Лена?

Петр. Н-ничего... она славная... веселая...

Акулина Ивановна. Вертушка она! Зряшная ее жизнь! Каждый божий день гости у нее, чай да сахары... пляс да песня... а вот умывальника купить себе не может! Из таза умывается да на пол воду хлещет... дом-то гноит...

Татьяна. А я вчера была в клубе... на семейном вечере. Член городской управы Сомов, попечитель моей школы, едва кивнул мне головой... да. А когда в зал вошла содержанка судьи Романова, он бросился к ней, поклонился, как губернаторше, и поцеловал руку:

Акулина Ивановна. Экой бесстыдник, а? Где бы взять честную девушку под ручку да уважить ее, поводить ее по зале-то вальяженько, на людях-то...

Татьяна (брату). Нет, ты подумай! Учительница, в глазах этих людей, заслуживает меньше внимания, чем распутная, раскрашенная женщина...

Петр. Не стоит замечать таких... пошлостей... Нужно ставить себя выше... А она хоть и распутная, но не красится...

Акулина Ивановна. Ты почем знаешь? Лизал ей щеки-то? Сестру обидели, а он за обидчицу заступается...

Петр. Мамаша! Будет вам...

Татьяна. Нет, при матери совершенно нельзя говорить: (За дверью в сени слышны тяжелые шаги.)

Акулина Ивановна. Ну-ну! Окрысились... Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил... а то Степанида жалуется – тяжело, дескать...

Степанида (вносит самовар, ставит его на пол около стола и, выпрямившись, задыхаясь, говорит хозяйке). Ну, и как вам будет угодно, а только опять говорю – сил моих нет лешего этакого таскать, – ноженьки подламываются...

Акулина Ивановна. Что же – особого человека нанять прикажешь?

Степанида. Как хотите! Пускай певчий носит – что ему? Петр Васильич, поставь на стол самовар, ей-ей, мочи нет!

Петр. Ну, давай... эх!

Степанида. Спасибо. (Уходит.)

Акулина Иванова. В самом деле, Петя, скажи-ка ты певчему-то, пусть бы он самовар-от подавал? Право...

Татьяна (тоскливо вздыхает). О боже мой...

Петр. А не сказать ли ему, чтоб он воду носил, полы мыл, трубы чистил и, кстати уж, белье стирал?

Акулина Ивановна (с досадой отмахивается от него рукой). Что зря говоришь? Всё

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru
это своим порядком и без него делают... А самовар внести...

Петр. Мамаша! Каждый вечер вы поднимаете сей роковой вопрос – вопрос о том, кому носить самовар. И поверьте, что вопрос этот пребудет неразрешенным до поры, пока вы не наймете дворника...

Акулина Ивановна. На кой шут он нужен, дворник? Отец сам двор убирает...

Петр. И это называется – скряжничеством. А скряжничать нехорошо, имея в банке...

Акулина Ивановна. Ш-ш! Нишкни! Отец услышит – он те задаст банк! Ты в банк-то деньги вложил?

Петр. Послушайте!

Татьяна (вскакивая). Петр, да оставь хоть ты... ведь терпения не хватает...

Петр (подхода к ней). Ну, не кричи! Незаметно для себя втягиваешься в эти споры...

Акулина Ивановна. Застонали! Слова сказать матери-то нельзя...

Петр. Изо дня в день – одно и то же... На душу от этих прений садится какая-то копоть, ржавчина...

Акулина Ивановна (кричит в дверь своей комнаты). Отец! Иди чай пить...

Петр. Когда истечет срок моего отлучения от университета, я уеду в Москву и, как прежде, буду приезжать сюда на неделю, не больше. За три года университетской жизни я отвык от дома... от всего этого крохоборства и мещанской суеты... Хорошо жить одному, вне прелестей родного крова!..

Татьяна. А мне вот некуда ехать...

Петр. Я говорю тебе – поезжай на курсы...

Татьяна. Ах, зачем мне курсы? Я жить, жить я хочу, а не учиться... пойми!

Акулина Ивановна (снимая чайник с самовара, обожгла руку и вскрикивает). Ах, пострели те горой!

Татьяна (брату). И я не знаю, не представляю – что значит жить? Как я могла бы жить?

Петр (задумчиво). Н-да, жить надо умеючи... осторожно...

Бессеменов (выходит из своей комнаты, и, оглядев детей, садится ее стол).
Нахлебников звали?

Акулина Ивановна. Петя! Позови-ко...

(Петр уходит. Татьяна идет к столу.)

Бессемёнов. Опять пиленого сахара купили? Сколько раз я говорил...

Татьяна. Ну, не всё ли равно, папаша?

Бессемёнов. Я говорю не тебе, а матери. Тебе, я знаю, всё равно...

Акулина Ивановна. Всего фунт купила я, отец. Целая голова есть, только не успели

Бессемёнов. Я не сержусь... Я говорю пиленный сахар тяжел и не сладок, стало быть, невыгоден. Сахар всегда нужно покупать головой... и колоть самим. От этого будут крошки, а крошки в кушанье идут. И сахар самый он легкий, сладкий... (дочери.) Ты чего морщишься да вздыхаешь?

Татьяна. Ничего, ничего... так...

Бессемёнов. А коли ничего, так незачем и вздыхать. Неужто отцовы слова так

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

тяжело слушать? Не для себя ради, а для вас же, молодых, говорим. Мы свое прожили, вам – жить. А когда глядишь на вас, то не понимаешь, как, собственно, вы жить думаете? К чему у вас намерения? Наш порядок вам не нравится, это мы видим, чувствуем... а какой свой порядок вы придумали? Вот он, вопрос? Н-да...

Татьяна. Папаша! Подумайте, который раз говорите вы мне это?

Бессемёнов. И еще, и без конца, до гроба говорить буду! ибо – обеспокоен я в моей жизни. Вами обеспокоен... Зря, не подумавши хорошо, пустил я вас в образование... Вот – Петра выгнали, ты – в девках сидишь...

Татьяна. Я работаю... я...

Бессемёнов. Слышал. А кому польза от этой работы? Двадцать пять рублей твои – никому не надобны и тебе самой. Выходи замуж, живи законным порядком, – я сам тебе пятьдесят в месяц платить буду...

Акулина Ивановна (все время разговора отца с дочерью беспокойно вертится на стуле, несколько раз пытается что-то сказать и, наконец, ласково спрашивает). Отец! Ватрушечки... не хочешь ли? От обеда остались... а?

Бессемёнов (оборачиваясь к ней, смотрит на нее сначала сердито и потом, улыбаясь в бороду, говорит). Ну, тащи ватрушки... тащи... Эхе-хе! (Акулина Ивановна бросается к шкафу, а Бессемёнов говорит дочери.) Видишь, мать-то, как утка от собаки птенцов своих, вас от меня защищает... Все дрожит, все боится, как бы я словом-то не ушиб вас... Ба, птичник! Явился, пропащий!

Перчихин (является в дверях, за ним молча входит Поля). Мир сему дому, хозяину седому, хозяйке-красотке, чадам их любезным – во веки веков!

Бессемёнов. У тебя опять разрешение вина?

Перчихин. С горя!

Бессемёнов. С какого это?

Перчихин (рассказывает, здороваясь). Зяблика продал сегодня... Три года держал птицу, тирольской трелью пела, – продал! Почувствовал себя за этот поступок низким человеком и – растрогался. Жаль птицу, привык... любил...

(Поля, улыбаясь, кивает отцу головой.)

Бессемёнов. А зачем продавал, коли так.

Перчихин (придерживаясь за спинки стульев, ходит вокруг стола). Цену хорошую дали...

Акулина Ивановна. А что тебе деньги? Все равно зря промотаешь...

Перчихин (усаживаясь). Верно, мать! Деньги мне не к рукам... верно!

Бессемёнов. Значит, опять-таки не было резона продавать...

Перчихин. Был резон. Слепнуть стала птица... стало быть, скоро помрет...

Бессемёнов (усмехаясь). Ты однако не совсем дурак...

Перчихин. Рази я это от ума поступил? Это от низости натуры моей...

(Петр и Тетерев входят.)

Татьяна. А Нил где?

Петр. Ушел с Шишкиным на репетицию.

Бессемёнов. Где это они играть хотят?

Петр. В манеже. Спектакль для солдат.

Перчихин (Тетереву). Божьей дудке – почтение! Синиц ловить идем, дядя?

Тетерев. Можно. А когда?

Перчихин. Хоть завтра.

Тетерев. Не могу. Покойник есть...

Перчихин. До обедни?

Тетерев. Могу. Заходи. Акулина Ивановна! А не осталось ли чего-нибудь от обеда? Каши или в этом роде чего-либо?..

Акулина Ивановна. Изволь, батюшка, есть. Поля, принеси-ка там...

(Поля уходит.)

Тетерев. Премного благодарен. Ибо сегодня, как вам это известно, не обедал я по случаю похорон и свадьбы...

Акулина Ивановна. Знаю, знаю...

(Петр, взяв налитый стакан, уходит в комнату за аркой, сопровождаемый испытующим взглядом отца и недружелюбным Тетерева. Несколько секунд все пьют и едят молча.)

Бессемёнов. А хорошо ты, Терентий Хрисанфович, заработаешь в этом месяце. Почти каждый день покойник.

Тетерев. Везет... ничего.

Бессемёнов. И свадьбы часто...

Тетерев. И женятся усердно...

Бессемёнов. Вот накопи денег, да и сам женись.

Тетерев. Не хочется...

(Татьяна уходит к брату, и между ними начинается тихая беседа.)

Перчихин. Не женись, не надо! Нашему брату, чудаку, женитьба ни к чему. Лучше пойдем снегирей ловить...

Тетерев. Согласен...

Перчихин. Расчудесное это занятие – снегирей ловить! Только что снег выпал, земля словно в пасхальную ризу одета... чистота, сияние и кроткая тишина вокруг. Особенно ежели день солнечный – душа поет от радости! На деревьях еще осенний лист золотом отливает, а уж ветки серебрецом снежка пухлого присыпаны... И вот на такую умирительную красоту – гурлы! гурлы! – вдруг с небес чистых стайка красных птичек опустится, цви! цви! цви! И словно маки расцветут. Толстенные эдакие пичужки, степенные, вроде генералов. Ходят и ворчат и скрипят – умиление души! Сам бы в снегиря обратился, чтобы с ними порыться в снегу... эх!..

Бессемёнов. Глупая птица, снегирь.

Перчихин. Я сам глупый...

Тетерев. Рассказано хорошо...

Акулина Ивановна (Перчихину). Младенец ты...

Перчихин. Люблю птичек ловить! Что есть на свете лучше певчей птицы?

Бессемёнов. А ловить ее, птицу-то, грех. Знаешь?

Перчихин. Знаю. Но ежели люблю? И ничего кроме делать не умею. Я так полагаю,

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru
что всякое дело любовью освящается...

Бессемёнов. Всякое?

Перчихин. Всякое!

Бессемёнов. А ежели кто любит чужую собственность прикарманивать?

Перчихин. Это уж будет не дело, а воровство.

Бессемёнов. Мм... Оно пожалуй...

Акулина Ивановна (зевая). Охо-хо! Скушно что-то... И как это по вечерам скушно всегда... Хоть бы ты, Терентий Хрисанфович, гитару свою принес да поиграл бы...

Тетерев (спокойно). При найме мною квартиры, достопочтенная Акулина Ивановна, я не брал на себя обязанности увеселять вас...

Акулина Ивановна (не разобрав). Как ты сказал?

Тетерев. Громко и внятно.

Бессемёнов (с удивлением и досадой). Смотрю я на тебя,

Терентий Хрисанфович, и дивуюсь. Человек ты... извини за выражение, совсем... никудышный – никчёмный, но гордость в тебе – чисто барская. Откуда бы?

Тетерев (спокойно). Врожденная...

Бессемёнов. Чем же ты гордишься-то, скажи на милость?

Акулина Ивановна. Так это он – чудачит все. Какая в нем гордость может быть?

Татьяна. Мама!

Акулина Ивановна (встрепенувшись). А? Ты что?

(Татьяна укоризненно качает головой.)

Акулина Ивановна. Али я опять что не так сказала? Ну, ин буду молчать... Бог с вами!

Бессемёнов (обиженный). Ты, мать, осторожнее выражай свои мысли. Мы живем среди лиц образованных. Они на все могут навести критику с точки науки и высших свойств ума. А мы с тобой люди старые, глупые...

Акулина Ивановна (миролюбиво). Что уж там! Конечно уж... они ведь знают.

Перчихин. А это ты, брат, верно сказал. Хоть и в шутку, а верно...

Бессемёнов. Я не в шутку...

Перчихин. погоди! старики – действительно глупый народ...

Бессемёнов. Особенно как на тебя посмотришь.

Перчихин. Я – не в счет. Я даже так полагаю: не было бы стариков – не было бы и глупости... Старый человек думает, как сырое дерево горит, – больше чаду, чем огня...

Тетерев (улыбаясь). Одобряю...

(Поля ласково смотрит на отца и гладит его плечо рукой.)

Бессемёнов (угрюмо). Так, так! Ну, ври дальше...

(Петр и Татьяна, прерывая свою беседу, с улыбкой смотрят на Перчихина.)

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Перчихин (воодушевленно болтает). Старики, главное дело, упрямые! Он, старик, и видит, что ошибся, и чувствует, что ничего не понимает, но сознаться в том – не может. Гордость! Жил, дескать, жил, одних штанов, может, сорок штук износил и вдруг – понимать перестал! как так? Обидно! Ну, он свое и долбит – я стар, я прав. А куда уж? Ум стал тяжелый у него... А у молодых – ум быстрый, легкий...

Бессемёнов (грубо). Ну, ты заврался однако... Ты вот что мне скажи: коли мы глупы, стало быть – надо нас учить уму-разуму?

Перчихин. Где там? В камни стрелять – стрелы терять...

Бессемёнов. погоди, не перебивай! Я постарше тебя. Я говорю: чего же быстрые-то умы по углам от нас, стариков, разбегаются, да оттуда смешные рожи показывают, а говорить с нами не хотят? Вот ты и подумай... И я пойду подумаю... один, коли глуп я для вашей компании. (с шумом отодвигает свой стул и в дверях своей комнаты говорит)... образованные мои дети...

(Пауза.)

Перчихин (Петру и Татьяне). Ребятишки! Вы чего старика обижаете?

Поля (улыбаясь). Да это ты его обидел...

Перчихин. я? в жизнь ни разу никого не обижал...

Акулина Ивановна. Эх, братцы! Нехорошо у нас... За что старика обидели? Все надутые, все недовольные... а он – стар, ему покой нужен... его уважать надо бы... ведь отец... Пойду к нему. Палагея, ты вымой посуду-то...

Татьяна (подходя к столу). И за что на нас рассердился отец?

Акулина Ивановна (в дверях). А ты больше бегай от него... умная!

(Поля моет посуду, а Тетерев, облокотясь о стол, тяжелым взглядом смотрит ей в лицо. Перчихин идет к Петру и присаживается у стола. Татьяна медленно уходит в свою комнату.)

Поля (Тетереву). Вы что смотрите на меня... так?

Тетерев. Так...

Перчихин. О чем думаешь, Петя?

Петр. Куда бы уйти...

Перчихин. Давно я хочу тебя спросить, скажи ты мне, пожалуйста: что такое канализация?

Петр. Ну, зачем тебе? Рассказывать это так, чтоб ты ясно понял, – долго... и скучно...

Перчихин. А ты сам-то знаешь все-таки?

Петр. Знаю...

Перчихин (недоверчиво глядя в лицо Петра). Мм...

Поля. Как долго не идет Нил Васильевич...

Тетерев. Какие у вас хорошие глаза...

Поля. Вы это и вчера говорили.

Тетерев. Скажу и завтра...

Поля. Зачем?

Тетерев. А не знаю... Вы, может быть, думаете, что я влюблен в вас?

Поля. Господи! Ничего я не думаю.

Тетерев. Ничего? Жаль? Вы подумайте...

Поля. Да... о чем?

Тетерев. Ну, хоть бы о том, чего ради я пристаю к вам? Подумайте и скажите мне...

Поля. Какой вы чудак!

Тетерев. Знаю... Вы говорили мне это. Я тоже повторю вам – уходите отсюда! Вам вредно бывать в этом доме... уходите!

Петр. Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?

Тетерев. Нет, не беспокойтесь! Я не считаю вас предметом одушевленным...

Петр. Неостроумно...

Поля (Тетереву). Какой вы задира!

(Тетерев отходит в сторону и внимательно прислушивается к разговору Петра и Перчихина.)

Татьяна (выходит из своей комнаты, кутаясь в шаль, садится за пианино и спрашивает, разбирая ноты). Нил еще не пришел?

Поля. Нет...

Перчихин. Скушновато... Да, вот что, Петя: прочитал я прошлый раз в листке, будто в Англии летающие корабли выстроены. Корабль будто как следует быть, но ежели сел ты на него, надавил эдакую кнопку – фию! Сейчас это поднимается он птицей под самые под облака и уносит человека неизвестно куда... Будто очень многие англичаны без вести пропали. Верно это? Петя?

Петр. Ерунда!

Перчихин. А печатают...

Петр. Мало ли ерунды печатают.

Перчихин. Много разве?

(Татьяна тихо наигрывает что-то грустное.)

Петр (с досадой). Конечно, много!

Перчихин. Ты не сердись. И что это, в самом деле, все вы, молодые, на нас, подержанных людей, свысока глядите? И даже никак говорить не желаете? Нехорошо!

Петр. Дальше!..

Перчихин. Дальше вижу я, что надо мне уходить. Надоел. Поля, ты скоро домой пойдешь?

Поля. Вот уберусь только... (Выходит из комнаты, сопровождаемая взглядом Тетерева.)

Перчихин. Н-да... Забыл ты, Петя, как мы с тобой, бывало, чижики ловили. В ту пору любил ты меня...

Пётр. Я и теперь...

Перчихин. Вижу, чувствую... как ты теперь!

Пётр. Я в то время леденцы и пряники любил, а теперь в рот не беру...

Перчихин. Понимаю.. Дядя Терентий! Идем пиво пить?

Тетерев. Не расположен...

Перчихин. Ну, я один. В кабачке – весело. В кабачке – просто. А у вас – с тоски помрешь, не в комплимент вам будь сказано. Ничего вы не делаете... никаких склонностей не имеете... А то давайте в карты играть? В свои козыри? Как раз четверо... (Тетерев смотрит на Перчихина и улыбается.) Не желаете? Ну, воля ваша... Стало быть, прощайте! (Подходя к Тетереву, щелкает себя по горлу.) Идем?

Тетерев. Нет...

(Перчихин уходит, безнадежно махая рукой. Несколько секунд тишины. Отчетливо слышны тихие ноты пьесы, которую медленно разбирает Татьяна. Петр, лежа на кушетке, вслушивается и насвистывает мелодию. Тетерев встает со стула и ходит по комнате. В сенях, за дверью, с громом падает что-то железное – ведро или самоварная труба. Слышен голос Степаниды: «Куда те чёрт понес»...)

Татьяна (не прерывая игры). Как долго Нил не приходит...

Петр. Никто не идет...

Татьяна. Ты ждешь Елену?..

Петр. Кого-нибудь...

Тетерев. Никто к вам не придет...

Татьяна. Какой вы всегда мрачный...

Тетерев. Никто не придет к вам, ибо у вас нечего взять...

Петр. Так говорит Терентий Богословский...

Тетерев (настойчиво). Замечаете ли вы, что у пьяненького, подержанного птичника – жив дух и жива душа его, тогда как вы оба, стоя на пороге жизни, – полумертвы?

Петр. А вы? Вы о себе какого мнения?

Татьяна (вставая со стула). Господа, оставьте! Ведь уж это было, было! Вы спорили об этом...

Петр. Мне нравится ваш стиль, Терентий Хрисанфович... И нравится ваша роль – роль судьи всех нас... Но я желал бы понять – почему именно эту роль вы играете... Вы говорите всегда так, точно читаете нам акафист за упокой...

Тетерев. Таковых акафистов не бывает...

Петр. Ну, все равно. Я хочу сказать – вот вы не любите нас...

Тетерев. Очень...

Петр. Спасибо за откровенность.

(Входит Поля.)

Тетерев. Кушайте на здоровье.

Поля. Чем вы угощаете?

Татьяна. Дерзостями...

Тетерев. Правдой...

Поля. А я хочу идти в театр... Не пойдет ли кто со мной?

Тетерев. Я...

Петр. Что сегодня?

Поля. «Вторая молодость»... Идемте,

Татьяна Васильевна?

Татьяна. Нет... Я в этот сезон едва ли буду ходить в театр. Надоело. Меня злят, раздражают все эти драмы с выстрелами, воплями, рыданиями. (Тетерев ударяет пальцем по клавише пианино, и по комнате разливается густой, печальный звук.) Все это неправда. Жизнь ломает людей без шума, без криков... без слез... незаметно...

Петр (угрюмо). Разыгрывают драмы на тему о страданиях любви, и никто не видит тех драм, которые терзают, душу человека, стоящего между «хочу» и «должен»...

(Тетерев, улыбаясь, продолжает бить по клавишам басов.)

Поля (смущенно улыбаясь). А мне нравится в театре... ужасно. Вот, например, Дон Сезар де Базан, испанский дворянин... удивительно хорошо! Настоящий герой...

Тетерев. Я похож на него?

Поля. Ой, что вы! Совсем ни капли!..

Тетерев (усмехаясь). Эх... жаль!

Татьяна. Когда актер на сцене объясняется в любви, – я слушаю и злюсь... Ведь этого не бывает, не бывает!..

Поля. Ну, я иду... Терентий Хрисанфович, – идете?

Тетерев (перестает трогать клавиши). Нет. Я не пойду с вами, если вы не находите во мне ничего общего с испанским дворянином...

(Поля, смеясь, уходит.)

Петр (глядя вслед ей). Что ей испанский дворянин?

Тетерев. Она чувствует в нем здорового человека...

Татьяна. Он красиво одет...

Тетерев. И весел... Веселый человек – всегда славный человек... Подлецы редко бывают веселыми людьми.

Петр. Ну, с этой точки зрения вы должны быть величайшим злодеем на земле...

Тетерев (снова начиная извлекать из пианино густые, тихие звуки). Я просто – пьяница, не больше. Вы знаете, почему в России много пьяниц? Потому что быть пьяницей удобно. Пьяниц у нас любят. Новатора, смелого человека – ненавидят, а пьяниц – любят. Ибо всегда удобнее любить какую-нибудь мелочь, дрянь, чем что-либо крупное, хорошее...

Петр (расхаживая по комнате). У нас в России... у нас в России... Как это странно звучит! Разве Россия – наша? Моя? Ваша? Что такое – мы? Кто – мы?

Тетерев (напевает). Мы во-ольные птицы...

Татьяна. Терентий Хрисанфович! Перестаньте, пожалуйста, звонить... уж очень погрёбально!

Тетерев (продолжая). Я аккомпанирую настроению...

(Татьяна с досадой выходит из комнаты в сени.)

Петр (задумчиво). Н-да... Вы... в самом деле перестаньте, это расстраивает нервы... Я думаю, что, когда француз или англичанин говорит: Франция! Англия!.. он непременно представляет себе за этим словом нечто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю – Россия и – чувствую, что для меня это – звук пустой. И у меня

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru

нет возможности вложить в это слово какое-либо ясное содержание. (Пауза. Тетерев звонит.) Есть много слов, которые произносишь по привычке, не думая о том, что скрыто за ними... Жизнь... Моя жизнь... Чем наполняются эти два слова?... (Молчит, расхаживая. Тетерев, тихо ударяя по клавишам, наполняет комнату стонущими звуками струн и с улыбкой, застывшей на его лице, следит за Петром.) Чёрт дернул меня принять участие в этих дурацких волнениях! Я пришел в университет учиться и учился... перестаньте звонить, пожалуйста! Никакого режима, мешавшего мне изучать римское право, я не чувствовал... нет! По совести... нет, не чувствовал! Я чувствовал режим товарищества... и уступил ему. Вот два года моей жизни вычеркнуто... да! Это насилие! Насилие надо мной – не правда ли? Я думал: кончу учиться, буду юристом, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!

Тетерев (иронически подсказывает). Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу, в роли покорного слуги общества...

Петр. Общество? Вот что я ненавижу! Оно всё повышает требования к личности, но не дает ей возможности развиваться правильно, без препятствий... Человек должен быть гражданином прежде всего! – кричало мне общество в лице моих товарищей. Я был гражданином... чёрт их возьми... Я... не хочу... не обязан подчиняться требованиям общества! Я – личность! Личность свободна... послушайте! Бросьте это... этот чёртов звон...

Тетерев. Я же аккомпанирую вам... мещанин, бывший гражданином – полчаса?

(Шум за дверями в сенях.)

Петр (раздраженно). Вы... не издевайтесь!

(Тетерев, вызывающе глядя на Петра, продолжает звонить. Входят Нил, Елена, Шишкин, Цветаева и вслед за ними Татьяна.)

Елена. Что значит этот звон погребальный? Здравствуйте, страшный букан! Здравствуйте, почти прокурор! Что вы тут делали?

Петр (хмуро). Глупости...

Тетерев. Это я вызванивал отходную человеку, безвременно угасшему...

Нил (Тетереву). Слушай! У меня к тебе просьба!

(Что-то шепчет на ухо ему. Тетерев кивает головой.)

Цветаева. Ах, господа! Как интересно было на репетиции!

Елена. О прокурор! Как свирепо ухаживал за мной поручик Быков!

Шишкин. Теленок ваш Быков...

Петр. Почему вы полагаете, что мне интересно знать, кто и как ухаживал за вами?

Елена. Ой, вы не в духе?

Цветаева. Петр Васильевич всегда не в духе.

Шишкин. Это обычное состояние его духа...

Елена. Танечка! И ты, по обыкновению, грустна, как ночь сентябрьская?

Татьяна. Да, по обыкновению...

Елена. А мне – ужасно весело! Господа, скажите – почему мне всегда весело?

Нил. Отказываюсь отвечать на вопрос – мне самому тоже всегда весело!

Цветаева. И мне!..

Шишкин. Мне – не всегда, но...

Татьяна. Постоянно...

Елена. Танечка! Ты остришь? Вот хорошо! Букан! Отвечайте – почему мне весело?

Тетерев. О воплощенное легкомыслие!

Елена. Ка-ак! Хорошо! Я вспомню вам эти слова, когда вы будете объясняться мне в любви!

Нил. Однако я бы поел чего-нибудь... Мне скоро на дежурство идти...

Цветаева. На всю ночь? Бедный!

Нил. На целые сутки... Пойду однако в кухню, поклонюсь Степаниде...

Татьяна. Я скажу ей... (Уходит с Нилом.)

Тетерев (Елене). Э... позвольте! Да разве я должен влюбиться в вас?

Елена. Да, дерзкий человек! Да, мрачное чудовище! Да! Да!

Тетерев (отступая пред ней). Повинуюсь... Мне это не трудно... Я однажды был влюблен сразу в двух девиц и в одну замужнюю женщину...

Елена (продолжая наступать на него). Ну и что же?

Тетерев. Бесполезно...

Елена (вполголоса, указывая глазами на Петра). Что у вас с ним вышло?

(Тетерев смеется. Они тихо беседуют.)

Шишкин (Петру). Слушай, брат, – нет ли целкового дня на три? Понимаешь – башмаки лопнули...

Петр. На... Семь за тобой...

Шишкин. Помню...

Цветаева. Петр Васильевич! Почему вы не принимаете участия в наших спектаклях?

Пётр. Я же не умею играть...

Шишкин. А мы-то разве умеем?

Цветаева. Ходили бы хоть на репетиции. Солдатики ужасно интересные! Один, Ширков, такой уморительный! Наивный, славный, улыбается так ласково, конфузливо... и ничего не понимает...

Петр (искоса наблюдая за Еленой). Ну, знаете, я плохо разумею, как могут быть интересны люди, которые ничего не понимают?

Шишкин. Да ведь там не один Ширков...

Петр. Допускаю, что их целая рота...

Цветаева. Как можно говорить такие вещи? Вот уж не понимаю – что это у вас? Аристократизм, что ли?

Тетерев (вдруг громко). Жалеть я не умею...

Елена. Ш-ш-ш!..

Петр. Как вам известно, я мещанин...

Шишкин. Тем менее понятно твое отношение к простым людям...

Тетерев. Меня никто никогда не жалел...

Елена (вполголоса). А вы разве не знаете, что нужно платить добром за зло?

Тетерев. Не имею ни крупной, ни мелкой монеты...

Елена. Ах, тише!..

Петр (вслушиваясь в разговор Елены с Тетеревом). А мне непонятно... чего ради вы играете в симпатии к этим простым людям...

Цветаева. Мы – не играем... мы делимся, чем можем, с ними...

Шишкин. И даже не это... Просто нам приятно бывать в их среде... Они безыскусственны... среди их дышишь чем-то здоровым... как в лесу. Нашему брату, буквоеду, никогда не мешает освежаться...

Петр (настойчиво, со скрытым раздражением) Просто вы любите жить иллюзиями... И подходите вы к вашим солдатам с некоторым тайным намерением... смешным, простите за правду! Освежаться среди солдат, это, извините...

Цветаева. Да не только солдат! Ведь вы же знаете, что мы устраиваем спектакли и в депо...

Петр. Все равно. Я говорю о том, что, называя всю эту вашу... беготню и суету живым делом, вы обманываетесь. Вы ведь убеждены, что способствуете развитию личности... и прочее... И это – самообман. Придет завтра офицер или мастер, даст личности в рожу и вышибет из ее головы все, что вы успели заронить в нее, – если еще успели...

Цветаева. Как досадно слушать такие речи!

Шишкин (мрачно). Н-да... Речи неладные... Не первый раз я слышу их, и все более они не нравятся мне... Когда-нибудь мы с тобой, Петр, разговоримся... навсегда!

Петр (холодно и лениво). Страхусь! Но жажду этой встречи...

Елена (горячо вскрикивает). Зачем вы напускаете на себя все это? Господа! Зачем он хочет, чтоб его считали злым?

Петр. Ради оригинальности, я думаю.

Цветаева. Конечно! Интересничает! Все мужчины интересничают... при женщинах. Один изображает пессимиста, другой Мефистофеля... А сами – просто лентяи...

Тетерев. Кратко, ясно... и здорово!

Цветаева. А что же – комплименты я вам буду говорить? Ждите! Знаю я вас!

Тетерев. В этом случае вы знаете больше, чем я. А не знаете ли вы, кстати, вот чего: следует платить добром за зло или не следует? То есть, проще говоря, – считаете вы добро и зло равноценными или же нет?

Цветаева. Поехали парадоксы на намазанных колесах!

Шишкин. Погодите, не мешайте ему! Это интересно. Я, господа, люблю Тетерева слушать! Все-таки он – нет-нет да и загонит в мозг какую-нибудь занозу... А ведь у нас у всех, правду говоря, мыслишки-то всё ходовые, стертые, как старые пятаки...

Петр. Ты слишком великодушен... распространяя свои личные достоинства на всех...

Шишкин. Ну-ну! Надо говорить правду, брат! Даже в пустяках надо быть правдивым! Я прямо сознаюсь – никогда еще я ни одного оригинального слова не сказал! А хочется, господа!

Тетерев. А вот и сказал!

Шишкин (живо). Н-ну? Врешь? Что такое?

Мещане. Максим Горький gorķiуmaxim.ru
Тетерев. Сказал, брат! Верно... А что – сам догадайся.

Шишкин. Ну, это нечаянно вышло...

Тетерев. Нарочно оригинальным не будешь. Я пробовал...

Елена. Да говорите же вы, мучитель, о добре и зле!

Шишкин. Ну-ка, заводи философскую волюнку!

Тетерев (становясь в позу). Достопочтенные двуногие! Когда вы говорите, что зло следует оплачивать добром, – вы ошибаетесь. Зло есть качество прирожденное вам и потому – малоценное. Добро – вы сами придумали, вы страшно дорого платили за него и потому – оно суть драгоценность, редкая вещь, прекраснее которой нет на земле ничего. Отсюда вывод – уравнивать добро со злом невыгодно для вас и бесполезно. Я говорю вам – добром платите только за добро. И никогда не платите больше того, сколько получено вами, дабы не поощрять в человеке чувство ростовщика. Ибо человек – жаден. Получив однажды больше того, сколько следовало ему, в другой раз захочет получить еще больше. А также не платите ему меньше, чем должны. Ибо если вы его раз обсчитаете – человек злопамятен! – он скажет про вас «банкроты!», перестанет уважать и в другой раз не добро уже сделает вам, а только подаст милостину. Братие! будьте строго точны в уплате за добро, содеянное вам! Ибо нет на земле ничего печальнее и противней человека, подающего милостину ближнему своему! Но за зло – всегда платите сторицею зла! Будьте жестоко щедры, вознаграждая ближнего за зло его вам! Если он, когда вы просили хлеба, дал камень вам, – опрокиньте гору на голову его! (Тетерев начинает шутливо, постепенно переходит в серьезный тон и кончает свою речь сильно, убежденно. Кончив, он, тяжело ступая, отходит в сторону. Минута общего молчания. Все смущены, почувствовав в словах его что-то тяжелое, искреннее.)

Елена (тихо). Однако вы... должно быть, много потерпели от людей...

Тетерев (оскалив зубы). Но это дало мне веселую надежду, что и они, со временем, потерпят от меня... или, вернее, – за меня...

Нил (входит с миской в руках и куском хлеба. Говоря, он внимательно следит, как бы не разлить содержимое миски. За ним идет Татьяна). Все это философия! Плохая у тебя, Таня, привычка делать из пустяков философию! Дождь идет – философия, палец болит – другая философия, угаром пахнет – третья. И когда я слышу такие философии из пустяков, так мне невольно думается, что не всякому человеку грамота полезна...

Татьяна. Какой ты... грубый, Нил!

Нил (садится за стол и ест). Чего там – грубый?.. Скучно тебе жить, – займись чем-нибудь. Кто работает, тот не скучает. Дома тяжело – поезжай в деревню, там живи и учи... а то – в Москву, сама поучись...

Елена. Так её! И еще проберите вот этого

(указывает на Тетерева), – этого вот!

Нил (искоса посмотрев). Тоже, чадушко! В Гераклиты метит...

Тетерев. Назови меня Свифтом, если тебе не трудно!..

Нил. Много чести!

Петр. Да, многонько!..

Тетерев. А мне это было бы приятно...

Цветаева. Какой лакомый!..

Нил (глядя в миску). Не погневайся... А что... того... Поля была? То есть куда она ушла?

Татьяна. В театр. А что?

Нил. Ничего... так... вообще – спрашиваю...

Татьяна. Тебе ее нужно?

Нил. Нет, не нужно... то есть сейчас не нужно... а вообще, всегда... нужно. О, чёрт... запутался!

(Все улыбаются, кроме Татьяны.)

Татьяна (настойчиво). Зачем? Зачем она тебе?..

(Нил, не отвечая, ест.)

Елена (Татьяне быстро). За что он тебя пробирал? Скажи?

Цветаева. Да, это интересно!

Шишкин. Мне тоже нравится, как Нил Васильев нотации читает...

Петр. А мне – как он ест...

Нил. Я все недурно делаю...

Елена. Ну же, Таня, говори!

Татьяна. Не хочется...

Цветаева. Ей никогда ничего не хочется!

Татьяна. Почему ты знаешь? А может быть, я очень хочу... умереть?

Цветаева. Фи, гадость!

Елена. Брр! Не люблю говорить о смерти!

Нил. Что можно сказать о смерти до поры, пока не умрешь?

Тетерев. Вот истинный философ!

Елена. Идемте, господа, ко мне! Пора, самовар, наверное, давно готов...

Шишкин. А хорошо теперь чайку хлебнуть! Да и подзакусить бы... можно надеяться?

Елена. Конечно!

Шишкин (указывая на Нила). А то я смотрю на него и – завидую, грешный человек!

Нил. Не завидуй – я уже все съел! Я тоже пойду с вами, у меня еще более часа свободного времени...

Татьяна. Ты лучше отдохнул бы до дежурства...

Нил. Сойдет и так...

Елена. Петр Васильевич! Идете?

Петр. Если позволите...

Елена. Благосклонно разрешаю! Вашу руку...

Цветаева. Становитесь все в пары. Нил Васильевич, ко мне...

Шишкин (Татьяне). Значит, вы – со мной...

Тетерев. Вот – говорят, что женщин на земле больше, чем мужчин. Однако я живал во многих городах, и всегда, везде мне не хватало дамы...

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Елена (смеясь, идет к двери и напевает). Allons, enfants de la patri...i...i...e!

Шишкин (толкая Петра в спину). Двигайся живее, сын отечества!..

(Уходят с шумом, пением и смехом. Комната несколько секунд остается пустой. Потом дверь из комнаты стариков отворяется, выходит Акулина Ивановна и, позевывая, гасит лампы. Слышен голос старика, монотонно читающего псалтирь у себя в комнате. Во тьме, натываясь на стулья, старуха проходит обратно к себе.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната.

Осенний полдень. За столом сидит старик Бессемёнов. Татьяна неслышно и медленно ходит взад и вперед. Петр, стоя у переборки, смотрит в окно.

Бессемёнов. Битый час говорю я вам... детки мои милые, а, видно, нет у меня таких слов, чтобы сердца вашего коснулись... Один спиной меня слушает, другая ходит, как ворона по забору.

Татьяна. Я сяду... (Садится.)

Петр (оборачиваясь лицом к отцу). Ты скажи прямо – чего ты хочешь от нас?

Бессемёнов. Хочу понять, что вы за люди... Желаю знать – какой ты человек?

Петр. Подожди! Я отвечу тебе... ты поймешь, увидишь. Дай прежде кончу учиться...

Бессемёнов. Н-да... Учиться... Учись! Но ты не учишься... а фордыбачишь. Ты вот научился презрению ко всему живущему, а размера в действиях не приобрел. Из университета тебя выгнали. Ты думаешь – неправильно?

Ошибаешься. Студент есть ученик, а не... распорядитель в жизни. Ежели всякий парень в двадцать лет уставщиком порядков захочет быть... тогда все должно придти в замешательство... и деловому человеку на земле места не будет. Ты научись, будь мастером в твоём деле и тогда – рассуждай... А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать – цыц! Я говорю это тебе не со зла, а по душе... как ты есть мой сын, кровь моя, и все такое. Никуда я ничего не говорю... хоть много положил труда на него, хоть он и приемыш мой... но все же он – чужая кровь. И чем дальше – тем больше он мне чужой. Я вижу – будет он прохвостом... актером будет или еще чем-нибудь в этакое духе... Может, даже социалистом будет... Ну – туда ему и дорога!

Акулина Ивановна (выглядывая из двери, жалобным и робким голосом). Отец! не пора ли обедать?

Бессемёнов (строго). Пошла ты! Не суйся, когда не надо... (Акулина Ивановна скрывается за дверью. Татьяна укоризненно смотрит на отца, встает со стула и снова бродит по комнате.) Видели? Мать ваша ни минуты покоя не знает, оберегая вас... все боится, как бы я не обидел... Я не хочу никого обижать... Я сам обижен вами, горько обижен!.. В доме моем я хожу осторожно, ровно на полу везде битое стекло насыпано... Ко мне и гости, старые приятели, перестали ходить: у тебя, говорят, дети образованные, а мы – народ простой, еще насмеются они над нами! и вы не однажды смеялись над ними, а я со стыда горел за вас. Все приятели бросили меня, точно образованные дети – чума. А вы никакого внимания на отца своего не обращаете... никогда не поговорите с ним ласково, никогда не скажете, какими думами заняты, что делать будете? Я вам – как чужой... А ведь я – люблю вас!.. Люблю! Понимаете вы, что значит – любовь? Тебя вот выгнали – мне это больно. Татьяна зря в девках сохнет, мне это обидно... и даже конфузно пред людьми. Чем Татьяна хуже многих прочих, которые выходят замуж и... все такое? Мне хочется видеть тебя, Петр, человеком, а не студентом... Вон Филиппа Назарова сын – кончил учиться, женился, взял с приданым, две тыщи в год получает... в члены управы попадет...

Петр. Подождите... и я женюсь...

Бессемёнов. Да, я вижу! Ты – хоть завтра готов... Ну, только – на ком? На вертушке, на беспутной бабенке... да еще и вдове! Э-эх!

Петр (вскипая). Вы не имеете права называть ее... так!

Бессемёнов. Как – так? Вдовой или беспутной?

Татьяна. Папаша! Пожалуйста... пожалуйста, оставьте это! Петр... Уйди!.. или – молчи! Я ведь вот – молчу! Слушайте... Я – не понимаю ничего... Отец!.. Когда вы говорите – я чувствую – вы правы! Да, вы правы, знаю! Поверьте, я... очень это чувствую! Но ваша правда – чужая нам... мне и ему... понимаете? У нас уже своя... вы не сердитесь, стойте! Две правды, папаша...

Бессемёнов (вскакивая). Врешь! Одна правда! Моя правда! Какая ваша правда? Где она? Покажи!

Петр. Отец, не кричи! Я тоже скажу... ну, да! Ты прав... Но твоя правда узка нам... мы выросли из нее, как вырастают из платья. Нам тесно, нас давит это... То, чем ты жил, твой порядок жизни, он уже не годится для нас...

Бессемёнов. Ну да! Вы... вы! Как же... вы образовались... а я дурак! А, вы...

Татьяна. Не то, папаша! Не так...

Бессемёнов. Нет – то! К вам ходят гости... целые дни шум... ночью спать нельзя... Ты на моих глазах шашни с постоялкой заводишь... ты всегда надута... а я... а мы с матерью жмемся в углу...

Акулина Ивановна (врываясь в комнату, жалобно кричит). Голубчики! Да я ведь... родной ты мой! Разве я говорю что? Да я и в углу!.. и в углу, в хлеву! Только не ругайтесь вы! Не грызите друг друга... милые!

Бессемёнов (одной рукой привлекая ее, а другой отталкивая). Пошла прочь, старуха! Не нужна ты им. Оба мы не нужны! Они – умные!.. Мы – чужие для них...

Татьяна (стонет). Какая мука! Какая... мука!..

Петр (бледный, с отчаянием). Пойми, отец... ведь глупо это! Глупо! Вдруг, ни с того ни с сего...

Бессемёнов. Вдруг? Врешь! Не вдруг... годами нарывало у меня в сердце!..

Акулина Ивановна. Петя, уступи! Не спорь!.. Таня... пожалейте отца!

Бессемёнов. Глупо? Дурак ты! Страшно... а не глупо! Вдруг... жили отец и дети... вдруг – две правды... звери вы!

Татьяна. Петр, уйди! Успокойся, отец... ну, прошу...

Бессемёнов. Безжалостные! Стеснили нас... Чем гордитесь? Что сделали? А мы – жили! Работалистроили дома... для вас... грешили... может быть, много грешили – для вас!

Петр (кричит). Просил я тебя, чтоб ты... все это делал?

Акулина Ивановна. Петр! Ради...

Татьяна. Ступай вон, Петр! Я не могу, я ухожу... (В изнеможении опускается на стул.)

Бессемёнов. А! бежите... от правды, как черти от ладана... Зазрела совесть!

Нил (широко распахнув дверь из сеней, останавливается на пороге. Он – с работы. Лицо у него черное, закопченное дымом, измазанное сажей, руки тоже грязные. Он в короткой куртке, промасленной до блеска, подпоясан ремнем, в высоких грязных сапогах по колено. Протягивая руку, он говорит). Дайте поскорее двугривенный, извозчику заплатить! (Его неожиданное появление и вдруг раздавшийся спокойный голос сразу прекращают шум в комнате, и несколько секунд все молчат, неподвижно

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru
глядя на него. Он замечает впечатление и, сразу сообразив в чем дело, с улыбкой сожаления говорит.) Н-ну-у! Опять баталия!

Бессемёнов (грубо кричит). Ты, нехристь! Куда пришел!

Нил. А? Куда?

Бессемёнов. В шапке! Шапку...

Акулина Ивановна. Что, в самом деле? Грязный лезешь прямо в горницы... ишь ты!

Нил. Да вы двугривенный-то дайте!

Петр (дает ему деньги и вполголоса говорит). Иди сюда скорее...

Нил (с улыбкой). На помощь? Трудно приходится! Сейчас!

Бессемёнов. Ишь! Вот он!.. Тоже – всё с рывка, с наскоку... Тоже нахватался где-то... чего-то... Уважения нет ни к чему на свете...

Акулина Ивановна (поддельваясь под тон мужа). И впрямь... Сорванец какой! Таня, ты поди... поди в кухню... в кухню! скажи Степаниде – обедать...

(Татьяна уходит.)

Бессемёнов (угрюмо улыбаясь). Ну, а Петра куда пошлешь? Э-эх ты! Глупая старуха! Глупая ты... Пойми, я не зверь какой! Я от души... от страха за них... от боли душевной кричу... а не от злости. Чего же ты их разгоняешь от меня?

Акулина Ивановна. Да я ведь знаю... голубчик мой! Я знаю все... да жалко их! Мы старые с тобой... мы – таковские! Куда нас? Господи! На что нас? А им – жить! Они, милые, горя-то от чужих много увидят...

Петр. Отец, ты, право, напрасно... волнуешься... Ты вообразил что-то...

Бессемёнов. Боюсь я! Время такое... страшное время! Все ломается, трещит... волнуется жизнь!.. За тебя боюсь... Вдруг что-нибудь... кто нас поддержит в старости? Ты – опора нам... Вон Нил-то... вишь какой? И этот... птица эта, Тетерев... тоже! Ты сторонись их! Они... не любят нас! Гляди!

Петр. Э, полно! Ничего со мной не будет... Вот, подожду еще немного... потом подам прошение...

Акулина Ивановна. Поддай-ка ты, Петя, поскорее, успокой отца...

Бессемёнов. Я в тебя, Петр, верю, когда ты вот так говоришь... рассудительно, серьезно... Верю, что ты жизнь проживешь не хуже меня... Ну, а иной раз...

Петр. Ну, давай, оставим это! Будет... Подумай, как часто у нас бывают такие сцены!

Акулина Ивановна. Голубчики вы мои!

Бессемёнов. Вот еще Татьяна... эх! Бросить бы ей это училище... Что оно для нее? Одно утомление...

Петр. Да, ей надо отдохнуть...

Акулина Ивановна. Ох, надо!

Нил (входит раздетый, в синей блузе, но еще неумытый). Обедать скоро будем, а?

(Петр, при виде Нила, быстро выходит в сени.)

Бессемёнов. Рожу-то умыл бы сначала, а потом об еде спрашивал.

Нил. Ну, рожу у меня не велика, вымою живо, а вот есть я хочу, как волк! Дождь, ветер, холодище, паровоз старый, скверный... измаялся я в эту ночь – прямо сил

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

нет! Заставить бы начальника тяги прокатиться в такую погоду, да на этом паровозе...

Бессемёнов. Болтай больше! Что-то, я смотрю, ты про начальников-то легко говорить стал... смотри, худа не было бы!

Нил. Начальникам худо не будет...

Акулина Ивановна. Отец не про них говорит, а про тебя.

Нил. Ага, про меня...

Бессемёнов. Да, про тебя!

Нил. Ага!..

Бессемёнов. Ты не гакай, а слушай...

Нил. Я слушаю...

Бессемёнов. Зазнаваться ты стал...

Нил. Давно?

Бессемёнов. Ты таким языком со мной не смей говорить!

Нил. А у меня один язык (высовывая язык, показывает), и я со всеми им говорю...

Акулина Ивановна (всплескивая руками). Ах ты, бесстыдник! Кому ты язык показываешь?

Бессемёнов. погоди, мать, постой! (Акулина Ивановна, укоризненно покачивая головой, уходит.) Ты... умник! Я хочу с тобой говорить...

Нил. После обеда?

Бессемёнов. Сейчас!

Нил. Лучше бы после обеда! Право, я голоден, устал, продрог... сделайте одолжение, отложите разговор! И потом, – что вы можете мне сказать? Ругаться ведь будете... а мне ругаться с вами неприятно... лучше бы вы... того... сказали бы прямо, что терпеть меня не можете... и чтоб я...

Бессемёнов. Ну, чёрт с тобой! (Уходит в свою комнату и плотно, крепко прикрывает дверь за собою.)

Нил (ворчит). И отлично! Лучше чёрт, чем ты...

(Напевая себе под нос, ходит по комнате. Татьяна входит.) Опять лаялись?

Татьяна. Ты не можешь себе представить...

Нил. Ну! превосходно представляю... Разыгрывали драматическую сцену из бесконечной комедии, под названием «Ни туда, ни сюда»...

Татьяна. Тебе хорошо говорить так! Ты умеешь стоять в стороне...

Нил. Я умею оттолкнуть от себя в сторону всю эту канитель. И скоро – оттолкну решительно, навсегда... Переведусь в монтеры, в депо... надоело мне ездить по ночам с товарными поездами! Еще если б с пассажирскими! С курьерским, например, – фьить! Режь воздух! Мчись на всех парах! А тут – ползешь с кочегаром... скука! Я люблю быть на людях...

Татьяна. От нас ты однако бегаешь...

Нил. Да... прости за правду! – убежишь ведь! Я жить люблю, люблю шум, работу, веселых, простых людей! А вы разве живете? Так как-то слоняетесь около жизни и по неизвестной причине стонете да жалуетесь... на кого, почему, для чего?

Непонятно.

Татьяна. Ты не понимаешь?

Нил. То-то нет! Когда человеку лежать на одном боку неудобно – он перевертывается на другой, а когда ему жить неудобно – он только жалуется... А ты сделай усилие, – перевернись!

Татьяна. Ты знаешь – один философ сказал, что только глупому жизнь кажется простой!

Нил. Философы в глупостях, должно быть, знают толк. Но я ведь умником себя не считаю... Я просто нахожу, что с вами жить почему-то невыносимо скучно. Думаю, потому что очень уж вы любите на все и вся жаловаться. Зачем жаловаться? Кто вам поможет? Никто не поможет... И некому, и... не стоит...

Татьяна. Откуда в тебе эта черствость, Нил?

Нил. А это – черствость?

Татьяна. Жестокость... Я думаю, что ты заразился ею от Тетерева, который ненавидит за что-то всех людей.

Нил. Ну, не всех... (Усмехаясь.) Тебе этот Тетерев не кажется похожим на топор?

Татьяна. Топор? Какой топор?

Нил. Обыкновенный, железный топор на деревянном топориче...

Татьяна. Нет, не шути! Не надо... Знаешь... с тобой приятно говорить... ты такой свежий... Но только вот... невнимателен ты...

Нил. К чему?

Татьяна. К людям... Ко мне, например...

Нил. Мм... наверно, не ко всем.

Татьяна. Ко мне...

Нил. К тебе? Н-да... (Оба молчат. Нил рассматривает свои сапоги. Татьяна смотрит на него с ожиданием чего-то.) Видишь ли... Я к тебе... то есть я тебя...

(Татьяна делает движение к нему, Нил, ничего не замечая.) Очень уважаю... и люблю. Только мне не нравится – зачем ты учительница? Дело это тебе не по душе, утомляет, раздражает тебя. А дело – огромное! Ребятишки – ведь это люди в будущем... Их надо уметь ценить, надо любить. Всякое дело надо любить, чтобы хорошо его делать. Знаешь – я ужасно люблю ковать. Пред тобой красная, бесформенная масса, злая, жгучая... Бить по ней молотом – наслаждение! Она плюет в тебя шипящими, огненными плевками, хочет выжечь тебе глаза, ослепить, отшвырнуть от себя. Она живая, упругая... И вот ты сильными ударами с плеча делаешь из нее все, что тебе нужно...

Татьяна. Для этого нужно быть сильным...

Нил. И ловким...

Татьяна. Послушай, Нил... Тебе иногда не жалко...

Нил. Кого?

Елена (входит). У вас обедали? Нет? Идемте ко мне, пожалуйста! Какой пирог я испекла! Где прокурор? Прекрасный пирог!

Нил (подходя к Елене). Я иду! О, я съем весь прекрасный пирог! Я умираю с голода, меня нарочно не кормят! На меня рассердились здесь за что-то...

Елена. За язык, наверное... Таня, идем!

Татьяна. Я только скажу маме... (Уходит.)

Нил. Откуда вы знаете, что я показал отцу язык?

Елена. Что-о? Я ничего не знаю! Что такое?

Нил. Ну, я и не скажу... Лучше вы расскажите мне о прекрасном пироге.

Елена. Я узнаю! А о пироге... знаете, меня научил печь пироги один арестант, осужденный за убийство. Муж позволял ему помогать на кухне. Он был такой жалкенький, худенький...

Нил. Муж?

Елена. Милостивый государь! Мой муж был двенадцати вершков роста...

Нил. Он был так низок?

Елена. Молчать! И имел вот такие усы (показывает пальцами, какие усы) длиной по три вершка...

Нил. Первый раз слышу о человеке, достоинства которого измеряются вершками!

Елена. Увы! У него не было никаких достоинств, кроме усов!

Нил. Это грустно! Продолжайте о пироге...

Елена. Он, этот арестант, был повар... и убил свою жену... Но мне он очень нравился. Он ведь убил ее как-то так...

Нил. Между прочим... понимаю!

Елена. Убирайтесь! Не хочу с вами говорить. (Татьяна, появляясь в двери, смотрит на них. Из другой двери выходит Петр.) Прокурор! Ко мне... есть пирог!..

Петр. С удовольствием!

Нил. Его сегодня папенька пробрал за непочтение...

Петр. Ну, перестань...

Нил. И я удивляюсь – как решается он идти к вам без спроса?

Петр (глядя на дверь в комнату стариков, беспокожно). Идти, так идемте!

Татьяна. Идите, я сейчас приду...

(Нил, Петр и Елена уходят. Татьяна идет в свою комнату, но в это время из комнаты стариков раздается голос Акулины Ивановны.)

Акулина Ивановна. Таня!

Татьяна (останавливается, нетерпеливо поводя плечами). Что?

Акулина Ивановна (в двери). Подь-ка сюда! (Почти шепотом.) Что, Петруша-то опять к той пошел?

Татьяна. Да... и я иду...

Акулина Ивановна. Ах ты горе наше горькое, а? Завертит она, егоза, Петю! Уж я чувствую!.. Ты бы хоть поговорила ему. Поговорила бы: братец, мол, отстанись! Не пара, мол, она тебе... сказала бы ты ему! Ведь у ней и денег-то всего-навсего три тыщи, да мужнина пенсия... я знаю!

Татьяна. Мамаша, оставьте это! Елена совсем не обращает внимания на Петра...

Акулина Ивановна. Нарочно это! Нарочно! Она, шельма, разжигает его... Показывает

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

только видимость такую, что-де ты мне не интересен... а сама следит за ним, как кошка за чижом...

Татьяна. Ах!.. да что мне! Мне-то что? Говорите сами... оставьте меня! Поймите, – я устала!

Акулина Ивановна. Да ты не сейчас поговори с ним... Ты поди, ляг, отдохни...

Татьяна (почти кричит) Мне негде отдохнуть! Я навсегда устала... навсегда! Понимаете? На всю жизнь... от вас устала... от всего! (Быстро уходит в сени. Акулина Ивановна делает движение к дочери, как бы желая остановить ее, но, всплеснув руками, остается на месте, недоумело раскрыв рот.)

Бессемёнов (выглядывая из двери). Опять схватка?

Акулина Ивановна (встрепенувшись). Нет, ничего... это так...

Бессемёнов. Что так? Надерзила она тебе?

Акулина Ивановна (торопливо). Нет, ничего, что ты это? Я ей говорю... обедать, мол, пора! А она говорит – не хочу! Я говорю – как не хочешь? А она...

Бессемёнов. Завралась ты, мать!

Акулина Ивановна. Правое слово!

Бессемёнов. И сколько ты, ради их, врешь предо мной! Взгляни-ка мне в глаза-то... Не можешь... эх ты!

(Акулина Ивановна стоит пред мужем, понуря голову, молча. Он тоже молчит, задумчиво поглаживая бороду. Потом, вздохнув, говорит.) Нет, зря все-таки разгордились мы от них образованием-то...

Акулина Ивановна (тихо). Полно, отец! Теперь и простые-то люди тоже не лучше...

Бессемёнов. Никогда не надо детям давать больше того, сколько сам имеешь... И всего мне тяжелее, что не вижу я в них... никакого характера... ничего эдакого... крепкого... Ведь в каждом человеке должно быть что-нибудь свое... а они какие-то... ровно бы без лиц! Вот Нил... он дерзок... он – разбойник. Но – человек с лицом! Опасный... но его можно понять... Э-эхе-хе!.. Я вот, в молодости, церковное пение любил... грибы собирать любил... А что Петр любит?

Акулина Ивановна (робко, со вздохом). К постоялке ушел...

Бессемёнов. Ну вот!.. погоди же! – Я ее... ущемлю! (Входит Тетерев, заспанный и мрачный более, чем всегда. В руке – бутылка водки и рюмка.) Терентий Хрисанфович! Опять разрешил?

Тетерев. Вчера, после всенощной...

Бессемёнов. С чего это?..

Тетерев. Без причины. Обедать скоро?

Акулина Ивановна. Сейчас накрою... (Начинает хлопотать.)

Бессемёнов. Эхма, Терентий Хрисанфович, умный ты человек... а вот губит тебя водочка!..

Тетерев. Почтенный мещанин, – ты врешь! Меня губит не водка, а сила моя... Избыток силы – вот моя гибель...

Бессемёнов. Ну, сила лишней не бывает...

Тетерев. Опять врешь! Теперь сила – не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змеиная гибкость. (Засучивая рукав, показывает кулак.) Гляди, – если я этой штукой ударю по столу, – разобью его вдребезги. С такими руками – нечего делать в жизни. Я могу колоть дрова, но мне трудно и смешно писать, например... Мне

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru
некуда девать силы. Я могу найти себе место по способностям только в балагане, на ярмарке, где мог бы рвать железные цепи, поднимать гири... и прочее. Но я учился... И хорошо учился... за что и был изгнан из семинарии. Я учился и не хочу жить напоказ, не хочу, чтоб ты, придя в балаган, любовался мною со спокойным удовольствием. Я желаю, чтобы все смотрели на меня с беспокойным неудовольствием...

Бессемёнов. Злой ты...

Тетерев. Скоты такой величины, как я, не бывают злыми, – ты не знаешь зоологии. Природа – хитра. Ибо, если к силе моей прибавить злобу, – куда бежишь ты от меня?

Бессемёнов. Мне бежать некуда... я в своем доме.

Акулина Ивановна. Ты бы молчал, отец.

Тетерев. Верно! Ты в своем доме. Вся жизнь – твой дом, твоё строение. И оттого – мне негде жить, мещанин!

Бессемёнов. Живешь ты зря... ни к чему. Но ежели бы захотел...

Тетерев. Не хочу захотеть, ибо – противно мне. Мне благороднее пьянствовать и погибать, чем жить и работать на тебя и подобных тебе. Можешь ли ты, мещанин, представить себе меня трезвым, прилично одетым и говорящим с тобою рабым языком слуги твоего? Нет, не можешь... (Поля входит и при виде Тетерева пятится назад. Он, заметив ее, широко улыбается и, кивая головой, говорит, протягивая ей руку.) Здравствуйте и не бойтесь... Я ничего не скажу вам больше... ибо все знаю!

Поля (смущенно). Что?.. ничего вы не можете знать...

Акулина Ивановна. А, пришла! Ну-ка, иди-ка, скажи Степаниде, чтобы щи несла...

Бессемёнов. Пора... (К Тетереву.) Люблю я слушать, как ты рассуждаешь... Особенно про себя самого хорошо выходит у тебя. Так вот – глядишь на тебя, страшен ты! А начнешь ты мысли-то свои высказывать, я и чувствую твою слабость... (Довольно и тихо смеется.)

Тетерев. И ты нравишься мне. Ибо ты в меру – умен и в меру – глуп; в меру – добр и в меру – зол; в меру честен и подл, труслив и храбр... ты образцовый мещанин! Ты законченно воплотил в себе пошлость... ту силу, которая побеждает даже героев и живет, живет и торжествует... давай, выпьем перед щами, почтенный крот!

Бессемёнов. Принесут – выпьем. Но, между прочим, зачем ты ругаешься?.. Без причины не надо обижать людей... Надо рассуждать кротко, складно, чтобы слушать тебя было занятно... а если ты будешь людей задевать словами – никто не услышит тебя, а кто услышит – дурак будет!

Нил (входя). Поля пришла?

Тетерев (ухмыляясь). Пришла...

Акулина Ивановна. А тебе ее на что?

Нил (не отвечая ей. Тетереву). Эге-э! Разрешил? Опять? Часто же начал ты...

Тетерев. Лучше пить водку, чем кровь людей... тем паче, что кровь теперешних людей – жидка, скверна и безвкусна... Здоровой, вкусной крови осталось мало, – всю высосали...

(Поля и Степанида. Степанида несет миску. Поля – тарелку с мясом.)

Нил (подходя к ней). Здравствуй! Готов ответ?

Поля (вполголоса). Не сейчас же... при всех...

Нил. Вот важность! Чего бояться?

Бессемёнов. Кому?

Нил. Мне... и вот ей...

Акулина Ивановна. Что такое?

Бессемёнов. Не понимаю...

Тетерев (усмехаясь). А я – понимаю... (Наливает водки и пьет.)

Бессемёнов. В чем дело? Ты чего, Пелагея?

Поля (смущенная, тихо). Ничего...

Нил (усаживаясь за стол). Секрет... Тайна!

Бессемёнов. А коли тайна – говорите где-нибудь в углу, а не при людях. То есть, это, я скажу, насмешка какая-то... хоть беги из дома! Какие-то знаки, недомолвки, заговоры... А ты сиди дураком и хлопай глазами... Я тебя, Нил, спрашиваю, кто я тебе?

Акулина Ивановна. Уж что это, Нил, право...

Нил (спокойно). Вы мне приемный отец... Но сердиться и поднимать истории не следует... Ничего особенного не случилось...

Поля (вставая со стула, на который только что села). Нил...

Васильевич сделал... сказал мне... вчера вечером... спросил...

Бессемёнов. Что спросил?... Ну?

Нил (спокойно). Вы не пугайте ее... Я спросил ее – не хочет ли она выйти за меня замуж...

(Бессемёнов удивленно смотрит на него и Полю, держа в воздухе ложку. Акулина Ивановна тоже замерла на месте. Тетерев смотрит пред собой, тяжело моргая глазами. Кисть его руки, лежащей на колене, вздрагивает. Поля низко наклонила голову.)

Нил (продолжает). А она сказала, что ответит мне сегодня... Ну, вот и все...

Тетерев (махая рукой). И очень... просто... и больше ничего...

Бессемёнов. Та-ак... Действительно... очень просто! (С горечью.) И модно... по-новому! Впрочем – что уж тут!

Акулина Ивановна. Нехристь ты, нехристь! Отчаянная ты голова!.. Чай бы, с нами первоначально поговорить надо...

Нил (с досадой). Вот дернуло меня за язык!

Бессемёнов. Оставь, мать! Не наше дело! Ешь и молчи. И я буду молчать...

Тетерев (хмелея). А я буду говорить... А впрочем, и я пока молчу...

Бессемёнов. Да... Лучше всем молчать. Но все-таки, Нил... не торопато благодаришь ты меня за мою хлебсоль... Исподтишка живешь...

Нил. За хлеб-соль вашу я платил трудом и впредь платить буду, а воле вашей подчиниться не могу. Вы вон хотели женить меня на дуре Седовой, потому только, что за нею десять тысяч приданого. На что мне ее нужно? А Полю я люблю... Давно люблю и ни от кого это не скрывал. Всегда я жил открыто и всегда буду так жить. Укорять меня не в чем, обижаться на меня не за что.

Бессемёнов (сдержанно). Так, так! Очень хорошо... Ну что ж? Женитесь. Мы вам не помеха. Только на какие же капиталы жить-то будете? Коли не секрет – скажите.

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Нил. Работать будем. Я перевожусь в депо... А она... у нее тоже дело будет. Вы по-прежнему будете получать с меня тридцать рублей в месяц.

Бессемёнов. Поглядим. Посулы легки...

Нил. Вексель возьмите с меня...

Тетерев. Мещанин! Возьми с него вексель! Возьми!

Бессемёнов. Вас в это дело не просят мешаться...

Акулина Ивановна. Тоже... советчик какой!

Тетерев. Нет, ты возьми! Не возьмешь ведь – совесть коротка, не посмеешь... Нил, дай ему подписку: обязуюсь, мол, ежемесячно...

Бессемёнов. Я могу и подписку взять... есть за что, так я думаю. С десяти лет кормил, поил, обувал, одевал – до двадцати семи... Н-да...

Нил. Не лучше ли нам после считаться, не сейчас?

Бессемёнов. Можно и после. (Вдруг вскипая.) Ну, только помни, Нил, – отныне ты мне... и я тебе – враги! Обиды этой я не прощу, не могу! Знай!

Нил. Да какая обида? В чем обида? Ведь не ожидали же вы, что я на вас женюсь?

Бессемёнов (кричит, не слушая). Помни! Издеваться над тем, кто тебя кормил, поил... без спроса... без совета... тайно... Ты! Смирная! Тихая! Что понурилась? А! Молчишь? А знаешь, что я могу тебя...

Нил (вставая со стула). Ничего вы не можете! Будет шуметь! В этом доме я тоже хозяин. Я десять лет работал и заработок вам отдавал. Здесь, вот тут (топает ногой в пол и широким жестом руки указывает кругом себя) вложено мною не мало! Хозяин тот, кто трудится...

(Во время речи Нила Поля встает и уходит. В дверях ей встречаются Петр и Татьяна. Петр, заглянув в комнату, скрывается.)

Татьяна стоит в дверях, держась за косяк.)

Бессемёнов (ошеломленно тарачит глаза на Нила). Ка-ак? Хозяин? Ты?

Акулина Ивановна. Уйдем, отец! Уйдем... пожалуйста, уйдем! (Грозя кулаком Нилу.) Ну, Нилка! Ну, уж... погоди!

(Со слезами.) Уж погоди... дождешься!

Нил (настойчиво). Да, хозяин тот, кто трудится... Запомните-ка это!

Акулина Ивановна (тащит за собой мужа). Идем, старик! И-идем! Бог с ними!.. Не говори, не кричи! Кто нас услышит?

Бессемёнов (уступая усилиям жены). Ну, хорошо! Оставайся... хозяин! Поглядим... кто хозяин! Увидим!

(Уходит к себе. Нил взволнованно расхаживает по комнате. Где-то на улице, далеко, играет шарманка.)

Нил. Вот заварил кашу! И чёрт меня дернул спросить ее... Дурак! То есть, положительно не могу я ничего скрыть... лезет все наружу помимо воли! Ах ты...

Тетерев. Ничего! Сцена очень интересная. Я слушал и смотрел с удовольствием. Очень недурно, очень! Не волнуйся, брат! У тебя есть способности... ты можешь играть героические роли. В данный момент герой нужен... поверь мне! В наше время все люди должны быть делимы на героев, то есть дураков, и на подлецов, то есть людей умных...

Нил. Чего ради заставил я Полю пережить такую... гадость?.. Испугалась... нет, она

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru
не пуглива! Обиделась, наверно... тьфу!

(Татьяна, все еще стоя в дверях, при имени Поли делает движение. Звуки шарманки умолкают.)

Тетерев. Людей очень удобно делить на дураков и мерзавцев. Мерзавцев – тьмы! Они живут, брат, умом звериным, они верят только в правду силы... не моей силы, не этой вот, заключенной в груди и руке моей, а в силу хитрости... Хитрость – ум зверя.

Нил (не слушая). Теперь придется ускорить свадьбу... Ну, и ускорим... Да, она еще не ответила мне. Но я знаю, что она скажет... милая моя девчушка!.. Как ненавижу я этого человека... этот дом... всю жизнь эту... гнилую жизнь! Здесь все... какие-то уроды! Никто не чувствует, что жизнь испорчена ими, низведена к пустякам... что из нее они делают себе темницу, каторгу, несчастье... как они ухитряются делать это? Не понимаю! Но – ненавижу людей, которые портят жизнь...

(Татьяна делает шаг вперед, останавливается. Потом неслышно идет к сундуку и садится на него, в углу. Она согнулась, стала маленькой и еще более жалкой.)

Тетерев. Жизнь украшают дураки. Дураков – немного. Они всё ищут чего-то, что не им нужно, не только им одним... Они любят выдумывать проспекты всеобщего счастья и тому подобной ерунды. Хотят найти начала и концы всего сущего. Вообще – делают глупости...

Нил (задумчиво). Да, глупости! На это я мастер... Ну, она потрезвее меня... Она – тоже любит жизнь... такой внимательной, спокойной любовью... Знаешь, мы с ней великолепно будем жить! Мы оба – смелые... и, если захотим чего, – достанем! Да, мы с ней достанем... Она какая-то... новорожденная... (Смеется.) Мы с ней прекрасно будем жить!

Тетерев. Дурак может всю жизнь думать о том, почему стекло прозрачно, а мерзавец просто делает из стекла бутылку...

(Вновь играет шарманка уже близко, почти под окнами.)

Нил. Ну, ты все о бутылках!

Тетерев. Нет, я о дураках. Дурак спрашивает себя – где огонь, пока он не зажжен, куда девается, когда угасает? А мерзавец сидит у огня, и ему тепло...

Нил (задумчиво). Да-а... тепло...

Тетерев. В сущности – они оба глупы. Но – один глуп красиво, геройски, другой – тупо, нищенски глуп. И оба они, хотя разными дорогами, но приходят в одно место – в могилу, только в могилу, друг мой... (Хохочет. Татьяна тихо качает головой.)

Нил (Тетереву). Ты чего?

Тетерев. Смеюсь... Оставшиеся в живых дураки смотрят на умершего собрата и спрашивают себя – где он? А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную... (Хохочет.)

Нил. Однако ты здорово напился... Шел бы к себе, а?

Тетерев. Укажи – где это?

Нил. Ну, не дури! Хочешь, отведу?

Тетерев. Меня, брат, не отведешь. Я не состою в родстве ни с обвиняемыми... ни с потерпевшими. Я – сам по себе. Я – вещественное доказательство преступления! Жизнь испорчена! Она – скверно сшита... Не по росту порядочных людей сделана жизнь, говорю я. Мещане сузили, окоротили ее, сделали тесной... и вот я емь вещественное доказательство того, что человеку негде, нечем, незачем жить...

Нил. Ну, иди же, иди!

Тетерев. Оставь меня! Ты думаешь, могу упасть? Я уже упал, чудак ты! Давно-о! Я,
Страница 28

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

впрочем, думал было подняться; но прошел мимо ты и, не заметив, не нарочно, вновь толкнул меня. Ничего; иди себе! Иди, я не жалуюсь... Ты – здоров и достоин идти, куда хочешь, так, как хочешь... Я, падший, сопровождаю тебя взглядом одобрения – иди!

Нил. Что ты болтаешь? Интересно что-то... но непонятно...

Тетерев. И не понимай! Не надо! Некоторые вещи лучше не понимать, ибо понимать их бесполезно... Ты иди, иди!

Нил. Ну, хорошо, я ухожу. (Уходит в сени, не замечая Татьяну, прижавшуюся в углу.)

Тетерев (кланяясь вслед ему). Желаю счастья, грабитель! Ты незаметно для себя отнял мою последнюю надежду и... чёрт с ней! (Идет к столу, где оставил бутылку, и замечает в углу комнаты, фигуру Татьяны.) Это-о кто, собственно говоря?

Татьяна (тихо). Это я...

(Звуки шарманки сразу обрываются.)

Тетерев. Вы? Мм... а я думал, мне почудилось...

Татьяна. Нет, это я...

Тетерев. Понимаю... Но – почему вы? Почему вы тут?

Татьяна (негромко, но ясно, отчетливо). Потому что мне негде, нечем, незачем жить... (Тетерев молча идет к ней тихими шагами.) Я не знаю, отчего я так устала и так тоскливо мне... но, понимаете, до ужаса тоскливо! Мне только двадцать восемь лет... мне стыдно, уверяю вас, мне очень стыдно чувствовать себя так... такой слабой, ничтожной... Внутри у меня, в сердце моем, – пустота... все высохло, сгорело, я это чувствую, и мне больно от этого... Как-то незаметно случилось это... незаметно для меня в груди выросла пустота... зачем я говорю вам это?..

Тетерев. Не понимаю... Сильно пьян... Совсем не понимаю...

Татьяна. Никто не говорит со мной, как я хочу... как мне хотелось бы... я надеялась, что он... заговорит... Долго ожидала я, молча... А эта жизнь... ссоры, пошлость, мелочи... теснота... все это раздавило меня тою порой... Потихоньку, незаметно раздавило... Нет сил жить... и даже отчаяние мое бессильно... Мне страшно стало... сейчас вот... вдруг... мне страшно...

Тетерев (качая головой, отходит от нее к двери и, отворив дверь, говорит, тяжело ворочая языком). Проклятие дому сему!.. И больше ничего...

(Татьяна медленно идет в свою комнату. Минута пустоты и тишины. Быстро, неслышными шагами входит Поля и за нею)

Нил. Они без слов проходят к окнам, и там, схватив Полю за руку, Нил вполголоса говорит.)

Нил. Ты прости меня за давешнее... это вышло глупо и скверно... но я не умею молчать, когда хочу говорить!

Поля (почти шепотом). Все равно... теперь все равно! Что уж мне все они? Все равно...

Нил. Я знаю – ты меня любишь... я вижу... я не спрашиваю тебя. Ты – смешная! Вчера сказала? отвечу завтра, мне надо подумать! Вот смешная! О чем думать – ведь любишь?

Поля. Ну да, ну да... давно уж!..

(Татьяна крадется из двери своей комнаты, встает за занавесом и слушает.)

Нил. Мы славно будем жить, увидишь! Ты – такой милый товарищ... нужды ты не побоишься... горе – одолеешь...

Поля (просто). С тобой – чего же бояться? Да я и так – одна не робкая... я только смиренная...

Нил. И ты упрямая... сильная, не согнешься... Ну, вот... рад я... Ведь знал, что все так будет, а рад... страшно!

Поля. Я тоже знала все вперед...

Нил. Ну? Знала? Это хорошо... Эх, хорошо жить на свете! Ведь хорошо?

Поля. Хорошо... милый ты мой друг... славный ты мой человек...

Нил. Как ты это говоришь... вот великолепно сказала!

Поля. Ну, не хвали... надо идти... надо идти... придет кто-нибудь...

Нил. А пускай их!..

Поля. Нет, надо!.. Ну... поцелуй еще!..

(Вырвавшись из рук Нила, она пробегает мимо Татьяны, не замечая ее. А Нил, идя за ней с улыбкой на лице, увидел Татьяну и остановился пред ней, пораженный ее присутствием и возмущенный. Она тоже молчит, глядя на него мертвыми глазами, с кривой улыбкой на лице.)

Нил (презрительно). Подслушивала? Подглядывала? Э-эх ты!.. (Быстро уходит. Татьяна стоит неподвижно, как окаменевшая. Уходя, Нил оставляет дверь в сени открытой, и в комнату доносится суровый окрик старика Бессеменова: «Степанида! Кто угли рассыпал? Не видишь? Подбери!»)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же комната.

Утро. Степанида стирает с мебели пыль.

Акулина Ивановна (моет чайную посуду и говорит). Говядина-то сегодня не жирна, так ты сделай вот что: от вчерашнего жаркого сало должно остаться, – ты его запусти во щи... они и покажут себя жирными... Слышишь?

Степанида. Слышу...

Акулина Ивановна. А телятину будешь жарить – масла-то много не вали в плошку... в середу пять фунтов я купила, а вчера, смотрю, уж и фунта не осталось...

Степанида. Стало быть – вышло...

Акулина Ивановна. Знаю, что вышло... Вот у тебя его в голове-то сколько... как у мужика дегтя в мазнице...

Степанида. Нешто вы по духу не слышите, что я деревянным из лампадки мажусь?

Акулина Ивановна. Ну, ладно уж... (Пауза.) Куда тебя утром Татьяна-то посылала?

Степанида. В аптеку... За спиртом нашатырным... Поди, говорит, купи мне на двадцать копеек нашатырного спирту...

Акулина Ивановна. Видно, голова болит... (Вздыхая.) То и дело хворает она у нас...

Степанида. Замуж бы выдали... Оздоровела бы сразу, небойсь...

Акулина Ивановна. Не больно-то легко нынче замуж выдать девицу... а образованную-то... еще труднее...

Степанида. Приданое хорошее дадите, и образованную кто-нибудь возьмет...

(Петр выглядывает из своей комнаты и скрывается.)

Акулина Ивановна. Не увидят мои глазыньки этой радости... Не хочет Таня замуж выходить...

Степанида. Где уж, чай, не хотеть... в ее-то летах.

Акулина Ивановна. Э-эхе-хе... Кто вчера у верхней-то постоялки в гостях был?

Степанида. Учитель этот... рыжий-то.

Акулина Ивановна. Это у которого жена сбежала?..

Степанида. Ну, ну, он! Да акцизный... такой... худущий да желтый с лица-то...

Акулина Ивановна. Знаю! На племяннице Пименова купца женат... чахоточный он, слышь...

Степанида. Ишь ты... Оно и видать...

Акулина Ивановна. Певчий наш был?

Степанида. И певчий, и Петр Васильич... Песни орал певчий-то... часов до двух орал... вроде как бык ревел...

Акулина Ивановна. Петя-то когда воротился?

Степанида. Да светало уж, как дверь-то я ему отперла...

Акулина Ивановна. Охо-хо...

Петр (входит). Ну, Степанида, возись скорее и уходи...

Степанида. Сейчас... Я сама рада скорее-то...

Петр. А рада – так больше делай, да меньше разговаривай... (Степанида фыркает и уходит.) Мама! Я вас не однажды просил поменьше разговаривать с ней... Ведь это же нехорошо, – поймите вы, наконец! – вступать в интимные беседы с кухаркой... и выпрашивать у нее... разные разности! Нехорошо!

Акулина Ивановна (обиженно). Что же, у тебя прикажешь спрашиваться, с кем говорить мне можно? Ты своей беседой меня с отцом не жалуешь, так позволь хоть со слугой-то слово сказать...

Петр. Да поймите же, что она вам не пара! Ведь, кроме сплетни какой-нибудь, вы от нее ничего не услышите!

Акулина Ивановна. А от тебя что я слышала? Полгода ты живешь дома-то, а ни разу с матерью своей родной часу не просидел вместе... ничего-то не рассказал ей... и что в Москве и как...

Петр. Ну, послушайте...

Акулина Ивановна. А заговоришь когда, – одни огорчения от тебя... То – не так, это – не эдак... мать родную, как девчонку, учить начнешь, да укорять, да насмеяться...

(Петр, махнув рукой, быстро уходит в сени. Акулина Ивановна вслед ему.) Ишь, вот сколько наговорил! (Оттирает глаза концом передника и всхлипывает.)

Перчихин (входит. Он в рваной куртке, из дыр ее торчит грязная вата, подпоясан веревкой, в лаптях и меховой шапке.) Ты чего куксишься? Али Петруха обидел? Чего-то он мимо меня, как стриж, вильнул... даже здравствуй не сказал. Поля – здесь?

Акулина Ивановна (вздыхая). В кухне, капусту шинкует...

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Перчихин. Вот у птиц – хорош порядок! Оперился птенец – лети на все четыре стороны... никакой ему муштровки от отца с матерью нет... Чайку тут мне не осталось?

Акулина Ивановна. Ты, видно, тоже птичьих порядков придерживаешься в своем-то быту?

Перчихин. Вот именно, это самое! И хорошо ведь! Ничего у меня нет, никому я не мешаю... вроде как не на земле, а на воздухе живу.

Акулина Ивановна (презрительно). И никакого уваженья от людей не имеешь. На, пей... холодный только чай-то... да и жидковат немного...

Перчихин (поднимая стакан на свет). Не густо... ну, спасибо, хоть не пусто! В густом-то еще, пожалуй, увязнешь... А что до уважения, так сделайте милость, не уважайте... я сам никого не уважаю...

Акулина Ивановна. А кому оно, уважение твое, нужно? Никому...

Перчихин. И отличное дело!.. Я так замечаю, что люди, которые на земле свой кус хлеба берут, – друг у друга изо рта его дерут. А я получаю пищу из воздуха... от небесных птиц кормлюсь... мое дело чистенькое!

Акулина Ивановна. Ну, а свадьба – скоро?

Перчихин. Чья? Моя, что ли? Так еще та кукушка, которая за меня бы замуж пошла, – в здешние леса не прилетала, шельма! Пожалуй, совсем опоздает... не дожdamшись – помру...

Акулина Ивановна. Ты не болтай пустяков, а прямо говори – когда венчаешь?

Перчихин. Кого?

Акулина Ивановна. Дочь! Будто не знает... ишь!

Перчихин. Дочь? Когда захочет, обвенчаю... коли будет с кем венчать...

Акулина Ивановна. Давно ли это у них затеялось?

Перчихин. Что? У кого?

Акулина Ивановна. Да не ломай паяца-то! Ведь сказала же она хоть тебе-то...

Перчихин. Про что?

Акулина Ивановна. Про свадьбу...

Перчихин. Это про чью?

Акулина Ивановна. Тьфу тебе! Старик уж ведь, стыдился бы юродствовать-то!

Перчихин. Ты погоди! Ты не сердчай... а скажи просто – в чем суть дела?

Акулина Ивановна. Говорить-то с тобой охоты нет...

Перчихин. А ты говоришь... да еще сколько времени говоришь и все без толку...

Акулина Ивановна (сухо, с завистью). Когда Палагею с

Нилом венчать будешь?

Перчихин (вскакивая, изумленный). Что-о? С Нилом... ну-у?

Акулина Ивановна. Неужто вправду она тебе не говорила? Ну, люди пошли!.. Отцу родному...

Перчихин (радостно). Да что ты? Да шутишь? Нил? Ах, раздуй их горой! В сам-деле? Ах, черти! Ай да Польша! Это уж целая кадрель, а не полька... Нет, ты не врешь? Ну-у, ловко! А я так расположил в уме, что Нил на Татьяне женится... Правое слово!

Такая видимость была, что как бы на Татьяне...

Акулина Ивановна (обиженно). Еще кто бы за него выдал Татьяну! Очень нам нужно... такого отбойного...

Перчихин. Нила-то очень нужно? Что ты! Да я бы... да будь у меня десять дочерей, я бы, закрыв глаза, всех ему отдал! Нил? Да он... он сто человек один прокормит! Нил-то? Ха-ха!

Акулина Ивановна (с иронией). Смотрю я, – тесть у него хорош будет! Оч-чень приятен!

Перчихин. Тесть? Она! Не захочет этот тесть никому на шею сесть... их ты! На камаринского меня даже подбивает с радости... Да я теперь – совсем свободный мальчик! Теперь я – так заживу-у! Никто меня и не увидит... Прямо в лес – и пропал Перчихин! Ну, Поля! Я, бывало, думал, дочь... как жить будет? И было мне пред ней даже совестно... родить – родил, а больше ничего и не могу!.. А теперь... теперь я... куда хочу уйду! Жар-птицу ловить уйду, за самые за тридесять земель!

Акулина Ивановна. Как же уйдешь ты! От счастья не уходят...

Перчихин. Счастье? Мое счастье в том и состоит, чтобы уходить... А Поля будет счастлива... она будет! С Нилом-то? Здоровый, веселый, простой... У меня даже мозги в голове пляшут... а в сердце – жаворонки поют! Ну, – везет мне! (Притопывая.) Поля Нила подцепила, она мило поступила... Их ты! Люли-малина!

Бессемёнов (входит. Он в пальто, в руке картуз). Опять пьян!

Перчихин. С радости! Слыхал? Палагея-то?

(Радостно смеется.) За Нила выходит! а? Здорово, а?

Бессемёнов (холодно и жестко). Нас это не касается... Мы свое получим...

Перчихин. А я все думал, что Нил на Татьяне намерен жениться...

Бессемёнов. Что-с?

Перчихин. Правое слово! Потому видимо было, что Татьяна не прочь... и глядела она на него так... эдак, знаешь... ну, как следует, и вообще... и все прочее... а? Вдруг...

Бессемёнов (спокойно и злобно). Вот что я тебе скажу, милый... Ты хоть и дурак, но должен понимать, что про девицу говорить такие подлые слова не позволено. Это – раз!

(Постепенно повышая голос.) Засим: на кого и как глядела твоя дочь и кто как на нее глядел и что она за девица, – я не говорю, а только скажу одно: ежели она выходит за Нила – туда ей и дорога! Потому обоим им – цена грош, и хоть оба они мне обязаны очень многим, но я отныне на них плюю! Это – два! Ну-с, а теперь вот что: хоша мы с тобой и дальние родственники, но однако погляди на себя – что ты такое? Золоторотец. И скажи мне – кто это тебе разрешил придти ко мне в чистую горницу в таком драном виде... в лаптицах и во всем этом уборе?

Перчихин. Что ты? Василий Васильич, – что ты, брат? Да разве я в первый раз эдак-то...

Бессемёнов. Не считал разов и не хочу считать. Но вижу одно – коли ты так являешься, значит, уважения к хозяину дома у тебя нет. Опять говорю: кто ты? Нищий, шантрапа, рвань коричневая... слышал? Это – три! И – пошел вон!

Перчихин (ошеломленный). Василий Васильевич! За что? За какое...

Бессемёнов. Вон! Не финти...

Перчихин. Опомнись! Я ни в чем пред тобой...

Бессемёнов. Ну?! Ступай... а то...

Перчихин (уходя, с укором и сожалением). Эх, старик! Ну, и жаль мне тебя! Прощай!

(Бессемёнов, выпрямившись, молча, твердыми, тяжелыми шагами ходит по комнате, суровый, мрачный. Акулина Ивановна моет посуду, боязливо следя за мужем, руки у нее трясутся, губы что-то шепчут.)

Бессемёнов. Ты чего шипишь? Колдуешь, что ли...

Акулина Ивановна. Я молитву... молитву, отец...

Бессемёнов. Знаешь... не быть мне головой! Вижу, – не быть... Подлецы!

Акулина Ивановна. Ну, что ты? Ай, батюшки... а? Да почему? Да еще, может быть...

Бессемёнов. Что – может быть? Федька Досекин, слесарного цеха старшина, в головы метит... Мальчишка! Щенок!

Акулина Ивановна. Да еще, может, не выберут его... ты не кручинься...

Бессемёнов. Выберут... видно по всему... Прихожу я, сидит он в управе... Слышу – поет, разливаётся – жизнь, говорит, трудная, надо, говорит, друг за друга держаться... всё, говорит, сообща делать... артели, говорит... Теперь, дескать, всё фабрика... ремесленникам жить нельзя врозь. Я говорю: жида всему причина! Жидов надо ограничить! Губернатору, говорю, жалобу на них – ходу русским не дают, и просить его, чтобы выселил жидов. (Татьяна тихо отворяет дверь и бесшумно, пошатываясь, проходит в свою комнату.) А он это с улыбочкой такой и спрашивает: а куда девать тех русских, которые хуже жидов? И начал разными осторожными словами на меня намекать... Я будто не понимаю, но однако чувствую, куда он метит... мерзавец! Послушал, – отошел прочь... погоди, думаю, я тебе насолю... А тут Михайло Крюков, печник, подошел ко мне... знаешь, говорит, а головой-то, пожалуй, Досекину быть... и глядит вбок, конфузится... Хотел я сказать ему – ах, ты, Иуда косоглазый...

Елена (входит). Здравствуйте, Василий Васильевич! Здравствуйте, Акулина Ивановна...

Бессемёнов (сухо). А... вы-с? Пожалуйте... что скажете?

Елена. Да вот – деньги за квартиру принесла...

Бессемёнов (более любезно). Доброе дело... сколько тут? Четвертная... Причитается мне еще с вас получить за два стекла в коридорном окне сорок копеек, да за петлю у двери в дровянике... кухарка ваша сломала... ну, хоть двадцать копеек...

Елена (усмехаясь). Какой вы... аккуратный! Извольте... у меня нет мелких... вот – три рубля...

Акулина Ивановна. Углей мешок вы брали... кухарка ваша.

Бессемёнов. Сколько за угли?

Акулина Ивановна. За угли – тридцать пять...

Бессемёнов. И всего – девяносто пять... Два с пятаком сдачи... пожалуйста! А насчет аккуратности, милая барыня, вы сказали справедливо. Аккуратностью весь свет держится... Само солнце восходит и заходит аккуратно, так, как положено ему от века... а уж ежели в небесах порядок, то на земле – тем паче быть должно... Да вот и сами вы – как срок настал, так и деньги несете...

Елена. Я не люблю быть в долгу...

Бессемёнов. Распрекрасное дело! Зато всякий вам и доверит...

Елена. Ну, до свиданья! Мне надо идти...

Бессемёнов. Наше почтение. (Смотрит вслед ей и потом говорит.) Хороша, шельма! Но все же однако с превеликим удовольствием турнул бы я ее долгой с квартиры...

Акулина Ивановна. Хорошо бы это, отец...

Бессемёнов. Ну, положим... Пока она тут... мы можем следить. А съедет, – Петрушка к ней шляться начнет тогда, за нашими-то глазами она его скорее может обойти... Надо принять в расчет и то, что деньги она платит аккуратно... и за всякую порчу в квартире бессловесно возмещает... н-да! Петр... конечно, опасно... даже очень...

Акулина Ивановна. Может, он жениться и не думает на ней... а просто так...

Бессемёнов. Кабы знать, что так... то и говорить нам не о чем, и беспокоиться не надо. Все равно, чем в публичные дома таскаться, – тут прямо под боком... и даже лучше... (Из комнаты Татьяны раздаётся хриплый стон.)

Акулина Ивановна (тихо). А?

Бессемёнов (так же). Что это?

Акулина Ивановна (она говорит тихо, беспокойно озирается, как бы прислушиваясь к чему-то). В сенях будто...

Бессемёнов (громко). Кошка, должно быть...

Акулина Ивановна (нерешительно). Знаешь, отец... хочу я тебе сказать...

Бессемёнов. Ну, говори...

Акулина Ивановна. Не больно ли ты строго с Перчихиным-то поступил? Он ведь безобидный...

Бессемёнов. А безобидный, так и не обидится... если же обидится, – потеря нам не велика... знакомство с ним – честь не дорогая... (Стон повторяется громче.) Кто это? Мать...

Акулина Ивановна (суется). Не знаю я... право... что это...

Бессемёнов (бросаясь в комнату Петра). Тут, что ли? Петр!

Акулина Ивановна (бежит за ним в ужасе). Петя! Петя... Петя...

Татьяна (хрипло кричит). Спасите... мама... спасите... спасите!.. (Бессемёнов и Акулина Ивановна выбегают из комнаты Петра и бегут на крик молча, у двери в комнату они на секунду останавливаются, как бы не решаясь войти, и затем бросаются в дверь оба вместе. Навстречу им несутся крики Татьяны..) Горит... о-о! Вольно... пить! Дайте пить!.. спасите!..

Акулина Ивановна (выбегая из комнаты, растворяет дверь в сени и кричит). Батюшки! Милосердные... Петя...

(В комнате Татьяны слышен глухой голос Бессемёнова: «Что ты... доченька... что ты... что с тобой... доченька?..»)

Татьяна. Воды... Умираю... Горит все... о боже!

Акулина Ивановна. Идите... сюда идите, батюшки...

Бессемёнов (из комнаты). Беги, зови... доктора:

Петр (вбегает). Что такое? Что вы?

Акулина Ивановна (схватывает его за руку, задыхается). Таня... умирает...

Петр (вырываясь). Пустите... пустите...

Тетерев (надевая по дороге пиджак). Горит, что ли?

Бессемёнов. Доктора!.. Доктора зови, Петр... двадцать пять рублей давай!..

Петр (выскакивая из комнаты сестры, – Тетереву). Доктора! за доктором... скажите –

Мещане. Максим Горький gorkiytext.ru
отравилась... женщина... девушка... нашатырный спирт... скорей! скорей!

(Тетерев бежит в сени.)

Степанида (вбегает). Батюшки мои... батюшки мои...

Татьяна. Петя... горю! Умираю!.. жить хочу! Жить... воды дайте!

Петр. Сколько ты приняла? Когда ты выпила? Говори...

Бессемёнов. Доченька моя... Танечка...

Акулина Ивановна. Погубила себя, голу-бу-ушка!

Петр. Мама, уйдите... Степанида, уведи ее... уйдите, говорят вам... (Елена пробегает в комнату Татьяны). Уведите мать...

(Входит баба, останавливается у дверей, заглядывает в комнату и что-то шепчет.)

Елена (выводит Акулину Ивановну под руку и бормочет). Это ничего... это не опасно...

Акулина Ивановна. Голубушка моя! Доченька... чем я тебя обидела? Чем прогневала?

Елена. Это пройдет... вот доктор... он поможет... о, какое несчастье!

Баба (подхватывая Акулину Ивановну под другую руку). Не кручиньтесь, матушка! То ли бывает? Эх, болезная... Вон у купца Ситанова... лошадь кучера копытом в бок...

Акулина Ивановна. Милая ты моя... что я буду делать-то? Единственная моя... (Ее уводят.)

(В комнате Татьяны ее крики смешиваются с глухим голосом отца и нервными, отрывистыми словами Петра. Гремит какая-то посуда, падает стул, скрипит железо кровати, мягко шлепается о пол подушка. Степанида несколько раз выбегает из комнаты, растрепанная, с открытым ртом и вытаращенными глазами, хватая из шкафа тарелки, чашки, что-то разбивает и снова скрывается. Из сеней заглядывают в дверь какие-то рожи, но никто не решается войти. Вскрикивает маляр-мальчишка и, взглянув в дверь к Татьяне, тотчас же возвращается назад, громким шепотом, сообщая: «Помираит!» На дворе раздаются звуки шарманки, но тотчас же обрываются. Среди людей в сенях глухой говор: «Убил? Отец... Он ей говорил: эй, говорит, смотри у меня!.. По голове... Чем – не знаешь? Что врешь, – зарезалась она своей рукой...» Женский голос спрашивает: «Замужняя?» Кто-то громко с сожалением чмокает губами.)

Баба (выходит из комнаты стариков, проходя мимо стола, сует себе под платок булку и, подходя к двери, говорит). Тише! Отходит!..

Мужской голос. Как имя?

Баба. Лизавета...

Женский голос. С чего это она?..

Баба. А, стало быть, еще в Успенев день, сказал он ей – Лизавета, говорит...

(В толпе движение. Входят доктор и Тетерев. Доктор в шляпе и пальто проходит прямо в комнату Татьяны. Тетерев заглядывает в дверь и отходит прочь, хмурый. Из комнаты Татьяны все продолжает доноситься смешанный говор и стоны. Из комнаты стариков – вой Акулины Ивановны и ее крики: «Пусти меня! Пусти ты меня к ней!» В сенях – глухой гул голосов. Выделяются восклицания: «Серьезный человек... Это – певчий... Н-ну? Ей-ей... от Ивана Предтечи».)

Тетерев (подходя к двери). Вы чего тут? Пошли прочь! Ну?

Баба (тоже суется в дверь). Проходите, люди добрые... некасаемо это вас...

Тетерев. Ты кто такая? Тебе чего надо?..

Баба. Я, батюшка, овощью торгую... луком зеленым, огурчиками...

Тетерев. Тебе что нужно?

Баба. Я, батюшка, к Семягиной шла... кума она мне...

Тетерев. Ну? Что же тебе тут нужно?

Баба. А мимо я иду... шум, слышу... думала, пожар...

Тетерев. Ну?

Баба. И зашла... На несчастье посмотреть зашла...

Тетерев. Ступай вон... Вы все! Вон из сеней?..

Степанида (выбегая, Тетереву). Тащи ведро воды... тащи живо! (В дверь высовывается седенький старичок с подвязанной щекой и, подмигивая, говорит Тетереву: «Господин! Она у вас тут со стола булочку стащила...» Тетерев идет в сени, толкая людей вон из них. В сенях – топот, возня, визжит мальчишка: «Ай-ай!» Кто-то смеется, кто-то обиженно восклицает: «Потише-с!»)

Тетерев (невидимый). К черту! Марш!

Петр (выглядывая из двери). Тише... (Обращаясь в комнату.) Иди, отец, иди к маме! Ну, иди же! (Кричит в сени.) Не пускайте никого!..

(Бессемёнов выходит, качаясь на ногах. Садится на стул у стола, тупо смотрит перед собой. Потом встает и идет в свою комнату, откуда слышен голос Акулины Ивановны.)

Акулина Ивановна. Я ли ее не любила? Я ли не берегла?

Елена. Ну, успокойтесь... милая моя...

Акулина Ивановна. Отец! Родной ты...

(Дверь за Бессемёновым затворяется, и конца речи не слышно. Комната пуста. С двух сторон в нее несется шум: звуки голосов из комнаты Бессемёновых, тихий говор, стоны и возня из комнаты Татьяны. Тетерев вносит ведро воды, ставит у двери и осторожно стучит в нее пальцем. Степанида отворяет дверь, берет ведро и тоже выходит в комнату, отирая пот с лица.)

Тетерев. Что?

Степанида. Ничего, слышь...

Тетерев. Это доктор сказал?

Степанида. Он. Да где уж... (Безнадежно махает рукой.) Отца с матерью пускать не велят туда...

Тетерев. Ей лучше?

Степанида. А кто знает? Не стонет, перестала... Зеленая вся... глаза огромные... Недвижима лежит...

(Укоризненным шепотом.) Я говорила им... сколько раз говорила – выдайте ее замуж! Эй, выдайте! Не послушали... ну и – вот оно! Да разве здорово девице до этой поры без мужа?... Опять же: в бога не веровала... ни тебе помолится, ни тебе перекрестится... Ну, вот!

Тетерев. Молчи... ворона!

Елена (входит). Ну что, что она?

Тетерев. Не знаю... Доктор будто сказал, что не опасна...

Елена. Старики убиты... жалко их!

(Тетерев молча пожимает плечами.)

Степанида (бежит вон из комнаты). Батюшки! А про кухню-то забыла...

Елена. И отчего? Что случилось? Бедная Таня... как, должно быть, больно ей... (Морщится и вздрагивает.) Ведь это больно? Очень? Страшно?

Тетерев. Не знаю. Я никогда не пил нашатырного спирта...

Елена. Как вы можете шутить?

Тетерев. Я не шучу...

Елена (подходит к двери в комнату Петра, заглядывает в нее). А Пе... Петр Васильевич еще все там, у нее?

Тетерев. Очевидно... ибо он оттуда не выходил...

Елена (задумчиво). Воображаю, как на него это подействовало!.. (Пауза.) Когда я... когда мне случается видеть... что-нибудь подобное этому... я ощущаю в себе ненависть к несчастью...

Тетерев (улыбаясь). Это похвально...

Елена. Вы понимаете? Так бы вот схватила его, бросила себе под ноги и раздавила... всё, навсегда!

Тетерев. Несчастье?

Елена. Ну, да! Я его не боюсь, а именно – не-на-ви-жу! Я люблю жить весело, разнообразно, люблю видеть много людей... и я умею делать так, чтобы и мне и тем, кто около меня, жилось легко, радостно...

Тетерев. Паки похвально!

Елена. И – знаете что? Я вам покаюсь... я очень черствая... такая жесткая! Я ведь и людей несчастных не люблю... Понимаете – есть такие люди, которые всегда несчастны, что хотите, делайте с ними! Наденьте на голову такому человеку вместо шляпы – солнце, – что может быть великолепнее! – он все же будет ныть и жаловаться: «Ах, я так несчастен! я так одинок! Никто не обращает на меня внимания... Жизнь темна и скучна... Ох! Ах! Ой! Увы!..» Когда я вижу такого барина, то чувствую злое желание сделать его еще более несчастным...

Тетерев. Милая барыня! Я – тоже покаюсь... Терпеть не могу, когда женщины философствуют, но когда вы рассуждаете, – мне хочется целовать вам ручки...

Елена (лукаво и капризно). Только? И только тогда, когда рассуждаю?.. (Спохватясь.) Ай-ай-ай! Я шучу... дурачусь, тогда как там – страдает человек...

Тетерев (указывая на дверь стариков). И там страдает. И всюду, куда бы вы ни указали пальцем, – везде страдает человек! Такая уж у него привычка...

Елена. А все-таки ему больно...

Тетерев. Разумеется...

Елена. И нужно его пожалеть.

Тетерев. Не всегда... И едва ли даже когда-нибудь человека нужно пожалеть... Лучше – помочь ему.

Елена. Всем не поможешь... и, не пожалевши, – не поможешь...

Тетерев. Барыня! Я рассуждаю так: страдания – от желаний. В человеке есть желания, заслуживающие уважения, и есть желания, не заслуживающие такового. Помогите ему удовлетворить те желания тела, кои необходимы для того, чтоб он был

здоров и силен, и те, которые, облагородив его, возвысят над скотом...

Елена (не слушая его). Может быть... может быть и так... Но что там делается? Что она – уснула? Так тихо... что-то шепчут... Старики тоже... ушли, забились в свой угол... Как это странно все! Вдруг – стоны, шум, крики, суета... и вдруг – тишина, неподвижность...

Тетерев. Жизнь! Покричат люди, устанут, замолчат... Отдохнут, – опять кричать будут. Здесь же, в этом доме, – все замирает особенно быстро... и крик боли и смех радости... Всякие потрясения для него – как удар палкой по луже грязи... И последним звуком всегда является крик пошлости, феи здешних мест. Торжествующая или озлобленная, здесь она всегда говорит последней...

Елена (задумчиво). Когда я жила в тюрьме... там было интереснее. Муж у меня был картежник... много пил, часто ездил на охоту. Город – уездный... люди в нем – какие-то... заштатные... Я была свободна, никуда не ходила, никого не принимала и жила с арестантами. Они меня любили, право... они ведь чудачки такие, если рассмотреть их поближе. Удивительно милые и простые люди, уверяю вас! Смотрю я на них, бывало, и мне кажется совершенно невероятным, что вот этот – убийца, этот – ограбил, этот... еще что-нибудь сделал. Спросишь иногда: «Ты убил?» – «Убил, матушка Елена Николаевна, убил... что поделаешь?» И мне казалось, что он, этот убийца, взял на себя чужую вину... что он был только камнем, который брошен чужою силой... да. Я накупила им разных книжек, дала в каждую камеру шашки, карты... давала табак... и вино давала, только понемножку... На прогулках они играли в мяч, в городки, – совсем как дети, честное слово! Иногда я читала им смешные книжки, а они слушали и хохотали... как дети. Я купила птичек, клеток, и в каждой камере была своя птичка... они любили ее – как меня! И знаете, – им ужасно нравилось, когда я надевала что-нибудь яркое, – красную кофточку, желтую... уверяю вас, – они очень любят веселые, яркие цвета! И я нарочно одевалась для них как можно пестрее... (Вздыхнув.) Славно было с ними! Я не заметила, как прошло три года... и когда мужа убила лошадь, я плакала не столько о нем, кажется, сколько о тюрьме... Было жалко уходить из нее... и арестанты тоже... им тоже было грустно... (Оглядывает комнату.) Здесь, в этом городе, мне живется хуже... в этом доме есть что-то... нехорошее. Не люди нехороши, а... что-то другое... Однако, знаете, мне стало грустно... Тяжело как-то... Вот мы с вами сидим, говорим... а там, может быть, умирает человек...

Тетерев (спокойно). И нам его не жалко...

Елена (быстро). Вам не жалко?..

Тетерев. И вам...

Елена (тихо). Да, вы правы! Это... нехорошо, я понимаю... но я не чувствую, что это нехорошо! Вы знаете: ведь так бывает, – понимаешь, что дурно, но не чувствуешь этого... Вы знаете: мне больше жалко его... Петра Васильевича, чем ее... Мне вообще жалко его... ему плохо здесь... да?

Тетерев. Здесь всем плохо...

Поля (входит). Здравств...

Елена (вскакивая, идет к ней). Ш-ш! Тише! Знаете... Таня – отравилась!

Поля. Что-о?

Елена. Ну, да, да.! Вот... там у нее доктор и брат...

Поля. Умирает... умрет?

Елена. Никто не знает...

Поля. Из-за чего? Сказала? Нет?

Елена. Не знаю! Нет!.

Петр (высовывая из двери взлохмаченную голову). Елена Николаевна... на минутку... (Елена быстро уходит.)

Поля (Тетереву). Что вы смотрите на меня... так?

Тетерев. Сколько раз вы так спрашивали меня?

Поля. Если все одно и то же... всегда какой-то особый взгляд... зачем? (Подходя вплоть к нему, строго.) Вы что же... меня считаете виноватой... в этом?

Тетерев (усмехаясь). А вы разве чувствуете что-то... вроде вины?

Поля. Чувствую, что все больше... не люблю вас: вот! Вы скажите лучше, – как все это было?

Тетерев. Ее вчера тихонько толкнули, и – слабая – она сегодня упала... вот и все!

Поля. Неправда!

Тетерев. Что – неправда?

Поля. Я знаю, на что вы намекаете... это неправда! Нил:

Тетерев. Разве – Нил? При чем тут нил?

Поля. Ни он, ни я... мы оба ни при чем! Вы... нет! Я знаю, вы вините нас... ну, что же? Ну, я его люблю... и он меня... это давно началось!

Тетерев (серьезно). Ни в чем я вас не виню... это вы сами себя в чем-то обвинили и вот – оправдываетесь пред первым встречным. К чему? Я вас... очень уважаю... Кто говорил вам всегда, постоянно, упорно – уйдите скорее из этого дома, не ходите в этот дом, здесь – нездорово, здесь вам расстроят душу? Это я говорил...

Поля. Ну, что же?

Тетерев. Ничего. Я хотел только сказать, что если б вы сюда не ходили... вам не пришлось бы испытывать того, что вы испытываете сейчас... вот и все!

Поля. Да... Но – как же это она? Опасно? Чем она?

Тетерев. Не знаю...

(Петр и доктор выходят.)

Петр. Поля! Пожалуйста, помогите Елене Николаевне...

Тетерев (Петру). Ну, что?

Доктор. Пустяки, собственно говоря! Вот только субъект нервный, а то – ничего бы... Выпила немного... обожгла пищевод... в желудок проникло спирту, очевидно, тоже мало... да и тот выброшен обратно...

Петр. Вы устали, доктор, присядьте, пожалуйста...

Доктор. Благодарю... С неделю прохворает... Вот у меня на днях был интересный случай... Маляр, в нетрезвом виде, выпил вместо пива чайный стакан лаку...

(Бессемёнов входит. Остановившись у двери своей комнаты, он молча, вопросительно и мрачно смотрит на доктора.)

Петр. Успокойся, отец, это не опасно!

Доктор. Да, да! Не пугайтесь! Через два, три дня она встанет на ноги...

Бессемёнов. Правда ли?

Доктор. Уверю вас!

Бессемёнов. Ну!.. Спасибо! Коли правда... коли не опасно – спасибо! Петр, ты того... поди-ка сюда...

(Петр подходит к нему. Бессемёнов отступает пред ним в дверь своей комнаты. Шепот, звон денег.)

Тетерев (доктору). Ну, что же маляр?

Доктор. Э... как-с?

Тетерев. Что же маляр?

Доктор. А! Маляр... ничего, выздоровел... гм... Я, кажется, встречался с вами... где-то?

Тетерев. Может быть...

Доктор. Вы... э... не лежали в тифозном бараке?

Доктор (радостно). Ага! Вот, вот! То-то, я смотрю, – знакомое лицо... Позвольте... это было весной? да? Кажется, я помню даже имя и фамилию вашу...

Тетерев. И я вас помню...

Доктор. Да?

Тетерев. Помню. Когда я стал оправляться и попросил вас увеличить мне порцию, вы скорчили прескверную рожу и сказали мне: «Будь доволен тем, что дают. Вашего брата, пьяниц и бродяг, много»...

Доктор (растерянно). Позвольте! Это... этого... Извините!.. вы... ваше имя... я – врач Николай Троеруков... а...

Тетерев (подходя к нему). А я – потомственный алкоголик и кавалер Зеленого Змия Терентий Богословский. (Доктор отступает пред ним.) Не бойся, не трону... (Проходит мимо. Доктор растерянно смотрит вслед ему, обмахиваясь шляпой. Входит Петр.)

Доктор (оглядываясь на дверь в сени). До свидания однако! Меня ждут... В случае, если она будет жаловаться на боль... повторите... дайте ей еще... капель... Сильной боли не должно быть... До свидания!.. А-а... скажите, тут был сейчас такой... оригинальный господин... он ваш родственник?..

Петр. Нет, это нахлебник...

Доктор. Ага!.. Очень приятно!.. Большой оригинал! До свидания... благодарю вас! (Уходит. Петр провожает его в сени. Бессемёнов и Акулина Ивановна выходят из своей комнаты и осторожно, ступая на носки, подвигаются к двери в комнату дочери.)

Бессемёнов. Погоди, не ходи туда... Ничего не слышать. Может, спит она... не разбудить бы... (Отводит старуху в угол к сундуку.) Н-да, мать! Вот и дожили... до праздника! Говору, сплетни будет теперь по городу – без конца...

Акулина Ивановна. Отец! Что ты? То ли говоришь? Да хоть во все трубы пускай трубят... только бы жива-то осталась! Во все колокола пусть звонят... Бессемёнов. Ну, да... я знаю... это так!.. Только ты... эхма! Не понимаешь ты! Ведь – позор это нам с тобой!

Акулина Ивановна. А ну... какой позор?

Бессемёнов. Дочь отравилась, пойми! Что мы ей – какую боль причинили? Чем огорчили? Что мы – звери для нее? А будут говорить разное... Мне – наплевать, я все ради детей стерплю... но только – зачем? Из-за чего? Хоть бы знать... Дети! Живут – молчат... Что в душе у них? Неизвестно! Что в головах? Неведомо! Вот – обида!

Акулина Ивановна. Я понимаю... ведь и мне обидно! Все-таки я – мать... Хлопочешь, хлопочешь целый день, и спасибо никто не скажет... я понимаю! Да что уж... хоть бы живы-здоровы были... а то вот на-ко!

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Поля (выходит из комнаты Татьяны). Она засыпает... Вы потише...

Бессемёнов (вставая). Ну, как она, что? Посмотреть-то можно?

Акулина Ивановна. Я войду тихонечко? Мы вот с отцом...

Поля. Доктор не велел пускать никого...

Бессемёнов (подозрительно). Ты почему знаешь? Тебя при докторе не было еще...

Поля. Мне Елена Николаевна передала.

Бессемёнов. А она – там? Ишь ты... чужому человеку можно, родным – нельзя. Удивительно...

Акулина Ивановна. Обедать-то надо в кухне... чтобы не беспокоить ее... Милая моя!.. И взглянуть нельзя...

(Махнув рукой, уходит в сени. Поля стоит, прислонясь к шкафу и глядя на дверь в комнату Татьяны. Брови у нее нахмурены, губы сжаты, стоит она прямо. Бессемёнов сидит у стола, как бы ожидая чего-то.)

Поля (тихо). Отец мой не был здесь сегодня?

Бессемёнов. Совсем ты не про отца спрашиваешь. Что тебе отец? Знаю я, кого тебе надо... (Поля удивленно смотрит на него.) Отец твой был... да! Грязный, оборванный, лишенный всякого порядочного подобия... Но все-таки ты его должна уважать...

Поля. Я уважаю... Почему вы это... говорите?

Бессемёнов. Чтоб ты понимала... Твой отец бродяга бездомный, а все-таки ты не должна выходить из его воли... Но разве вы понимаете – что такое отец?... Все вы – бесчувственные... Ты вот... девушка бедная, бесприютная, ты бы должна быть скромной... ласковой со всеми... а ты – туда же! – пускаешься рассуждать, подражаешь образованным людям. Н-да. Вот ты замуж выходишь... а тут человек едва жизни не лишил себя...

Поля. Я не понимаю, что вы говорите... и зачем?

Бессемёнов (видимо, сам утратив связь своих мыслей, раздражается). Понимай: думай... затем и говорю, чтобы понимала ты! Кто ты? А однако вот... выходишь замуж! Дочь же моя... чего торчишь тут? Иди-ка в кухню... делай что-нибудь... Я покараулю... иди! (Поля, с недоумением глядя на него, хочет идти.) Постой! Давеча я... крикнул на твоего отца...

Поля. За что?

Бессемёнов. Не твое дело! Ступай... иди! (Поля уходит удивленная. Бессемёнов тихо идет к двери Татьяны и, приотворив ее, хочет заглянуть. Елена выходит и отстраняет его.)

Елена. Не ходите, она спит, кажется! Не беспокойте ее...

Бессемёнов. Мм... Нас беспокоят все... это ничего! А вас – нельзя...

Елена (удивленно). Что вы говорите? Да ведь она же больная!..

Бессемёнов. Знаю я... Все знаю... (Уходит в сени. Елена пожимает плечами вслед ему. Проходит к окнам, садится на кушетку и, закинув руки за шею, о чем-то думает. На лице у нее является улыбка, она мечтательно закрывает глаза. Петр входит, сумрачный, растрепанный. Он встряхивает головой, как бы желая сбросить с нее что-то. Видит Елену, останавливается.)

Елена (не открывая глаз). Это кто?

Петр. Чему вы смеетесь? Странно видеть улыбающееся лицо... теперь... после этого...

Елена (взглянув на него). Вы – сердитый? Устали? Бедный мальчик... Как мне жалко

вас...

Петр (садясь на стул рядом с нею). Мне самому жалко себя.

Елена. Вам надо уехать куда-нибудь...

Петр. Да, надо. В сущности – зачем я здесь? Меня страшно тяготит эта жизнь...

Елена. Как бы вы хотели жить? Скажите!.. Я часто спрашивала вас об этом... но вы не ответили, никогда...

Петр. Трудно быть откровенным...

Елена. Со мной?

Петр. И с вами... Разве я знаю... как вы относитесь ко мне? Как отнесетесь к тому, что я мог бы вам сказать? Иногда мне кажется, что вы...

Елена. Что я? Ну...

Петр. Что вы хорошо...

Елена. Я отношусь к вам очень, очень хорошо! Славный вы мой... мальчик!

Петр (горячо). Я не мальчик, нет! Я много думал. Слушайте, скажите... вам нравится – вам интересна вся эта возня, которой занимается Нил, Шишкин, Цветаева – все эти шумные люди?... Вы можете верить, что совместные чтения умных книг, спектакли для рабочих... разумные развлечения... и вся эта суетность – действительно, важное дело, ради которого и следует жить? Скажите...

Елена. Голубчик! Ведь я необразованный человек... я не могу судить, не понимаю. Я ведь – несерьезная... Они – мне нравятся все, и Нил, и Шишкин... Веселые, всегда что-то делают... Я люблю веселых людей... сама такая же. К чему вы это спросили?

Петр. А... меня раздражает все это! Если они любят жить так... если находят в этом удовольствие – пожалуйста! Я не мешаю... я не хочу никому мешать, но не мешайте и мне жить так, как я хочу! Зачем они влагают в свои действия какой-то особый смысл... Зачем говорят мне, что я трус, эгоист...

Елена (дотрагиваясь до его головы). Его замучили: устал он...

Петр. Нет, я не устал... я только раздражен. Я – имею право жить, как мне нравится, мне! Я имею это право?

Елена (играя его волосами). Это опять мудреный вопрос для меня... Я одно знаю – сама я живу, как умею, делаю, что хочу... и, если меня будут убеждать идти в монастырь, – не пойду! Заставят, – убегу, утоплюсь...

Петр. Вы больше бываете с ними, чем со мной, вы... вам они больше нравятся, чем я! Я чувствую это... Но я хочу сказать – я могу это сказать! – они – пустые бочки.

Елена (удивленно). Что? Какие...

Петр. Пустые бочки... есть басня о бочках...

Елена. Ах, знаю... Однако... ведь и я тоже... значит, и я пустая?

Петр. О, нет! Вы – нет! Вы – живая, вы, как ручей, освежаете человека!

Елена. Ба! Значит, я, по-вашему, холодная?

Петр. Не шутите! Я прошу вас! Этот момент... но вы смеетесь! Зачем? Разве я смешон? Я – жить хочу! Хочу жить... по своему разумению... по своей воле...

Елена. Живите! Кто мешает?

Петр. Кто? Кто-то есть... есть что-то! Когда я думаю, что вот как надо жить – одному, независимо... мне кажется, что кто-то говорит – нельзя!

Елена. Совесть?

Петр. При чем тут совесть? Я... не... разве я хочу сделать преступление? Я хочу только быть свободным... я хочу сказать...

Елена (наклоняясь к нему). Это говорится не так! Это гораздо проще нужно говорить! Я помогу вам, бедненький мальчик... чтоб вам не путать таких простых вещей...

Петр. Елена Николаевна! Вы... мучаете меня... шутками! Это жестоко! Я хочу сказать вам... вот я весь пред вами!

Елена. Опять не то!

Петр. Я, очевидно, слабый человек... эта жизнь, – не по силам мне! Я чувствую ее пошлость, но ничего не могу изменить, ничего не в состоянии внести... Я хочу уйти, жить один...

Елена (взяв его голову в руки). Говорите за мной, повторяйте: я вас люблю!

Петр. О, да! да! Но... нет. Вы шутите!..

Елена. Право же, я совершенно серьезно и давно решила выйти за вас замуж! Может быть, это нехорошо... но мне очень хочется этого...

Петр. Но... как я счастлив! Я люблю вас, как... (За стеною – стон Татьяны. Петр вскакивает, растерянно оглядываясь вокруг. Елена встает с места спокойно. Петр тихо.) Это... Таня? А мы... тут...

Елена (проходя мимо его). Мы не сделали ничего дурного...

Голос Татьяны. Пить... дайте пить...

Елена. Иду... (Улыбаясь Петру, уходит. Петр стоит, схватив голову руками, и растерянно смотрит пред собой. Дверь из сеней отворяется, и Акулина Ивановна громко шепчет.)

Акулина Ивановна. Петя! Петя – ты где?..

Петр. Здесь...

Акулина Ивановна. Иди обедать...

Петр. Не хочу... не пойду...

Елена (выходит). Он пойдет ко мне...

(Акулина Ивановна недовольно оглядывает ее и скрывается.)

Петр (бросаясь к Елене). Как это вышло... нехорошо! Там она лежит... а мы... мы...

Елена. Идемте-ка... Что тут нехорошего? Даже в театре после драмы дают что-нибудь веселое... а в жизни это еще более необходимо...

(Петр прижимается к ней, и она уводит его под руку.)

Татьяна (стонет хрипло). Лена!.. Лена!..

(Вбегает Поля.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
Та же комната.

Вечер. Комната освещена лампой, стоящей на столе. Поля собирает посуду для чая.

Татьяна, больная, лежит на кушетке в углу, в полутьме. Цветаева – на стуле около нее.

Татьяна (тихо, укоризненно). Думаешь, я не хотела бы смотреть на жизнь вот так же весело и бодро, как ты? О, я хочу... но – не могу! Я родилась без веры в сердце... Я научилась рассуждать...

Цветаева. Голубчик! Ты слишком много рассуждаешь... А ведь – ты согласишься, – не стоит быть умным человеком для того, чтоб только рассуждать... Рассудок – это хорошо, но... видишь ли, чтоб человеку жилось не скучно и не тяжело, он должен быть немножко фантазером... он должен, – хоть не часто, – заглядывать вперед, в будущее...

(Поля, внимательно слушая речь Цветаевой, улыбается ласково, задумчиво.)

Татьяна. Что там, впереди?

Цветаева. Все, что захочешь видеть!

Татьяна. Да-а... нужно выдумать!

Цветаева. Поверить нужно...

Татьяна. Во что?

Цветаева. В свою мечту. Ты знаешь... когда я смотрю в глаза моих мальчишек, я думаю о них: вот Новиков. Он кончит школу, пойдет в гимназию... потом – университет... он будет доктором, мне кажется! Такой солидный мальчик, внимательный, добрый... лоб у него – огромный. Он очень любящий... он будет очень много работать, бескорыстный, славный... и люди будут его очень любить, уважать... я это знаю! И однажды, вспоминая свое детство, он вспомнит, как учительница Цветаева, играя с ним во время перемены, разбила ему нос... А может, и не вспомнит... ну, все равно!.. Нет, вспомнит, я думаю... он очень любит меня. Есть у меня рассеянный, растрепанный, всегда чумазый Клоков. Он вечный спорщик, задира, озорник. Он – сирота, живет у дяди, ночного сторожа... он – почти нищий... но такой гордый, смелый! Я думаю – он будет журналистом. Ах, сколько у меня интересных мальчишек! И как-то невольно всегда думаешь о том, что будет с ними, какую роль они сыграют в жизни... Ужасно интересно представлять себе, как будут жить мои ученики... Ты видишь, Таня, это ведь немного... но если б ты знала, как приятно!

Татьяна. А ты? Где ты сама? Твои ученики будут жить... быть может, очень хорошо... а ты тогда уже...

Цветаева. Умру? Вот еще! Нет, я намерена жить долго...

Поля (негромко, ласково, как бы вздыхая). Какая милая вы, Маша! Какая славная...

Цветаева (улыбаясь Поле). Запела коноплянка... Ты знаешь, Таня, я не сентиментальна... но когда подумаю о будущем... о людях в будущем, о жизни – мне делается как-то сладкогрустно... как будто в сердце у меня сияет осенний, бодрый день... знаешь – бывают такие дни осенью: в ясном небе – спокойное солнце, воздух – глубокий, прозрачный, вдали все так отчетливо... свежо, но не холодно, тепло, а не жарко...

Татьяна. Все это... сказки... Я, впрочем, допускаю... быть может, вы – ты, Нил, Шишкин – и все похожие на вас... быть может, вы, действительно, способны жить мечтами... Я – не могу.

Цветаева. Нет, подожди... Ведь не одни мечты...

Татьяна. Мне ничто, никогда не казалось достоверным... кроме того разве, что вот это – я, это – стена... Когда я говорю – да или – нет... я это говорю не по убеждению... а как-то так... я просто отвечаю, и – только. Право! Иногда скажешь – нет! и тотчас же подумаешь про себя – разве? а может быть, – да?

Цветаева. Тебе нравится это... Присмотриська к себе, – не находишь ли ты что-то приятное для себя в таком... раздвоении души? А может быть, – ты боишься верить...

ведь вера – обязывает...

Татьяна. Не знаю... не знаю. Заставь меня поверить. Ведь вот – других вы заставляете верить вам...

(Тихо смеется.) А мне жалко людей, которые верят вам... ведь вы их обманываете! Ведь жизнь всегда была такая, как теперь... мутная, тесная... и всегда будет такая!

Цветаева (улыбаясь). Разве? А может быть, – нет?

Поля (как бы про себя). Нет!

Татьяна. Ты что сказала?

Поля. Я говорю – не будет!

Цветаева. Молодец, тихая птичка коноплянка!

Татьяна. Вот одна из несчастных... верующих. А спроси ты ее, – почему нет? Почему изменится жизнь? Спроси...

Поля (тихо подходя поближе). Ведь, видите, какое дело, – не все еще люди живут! Очень мало людей жизнью пользуются... множеству их жить-то и некогда совсем... они только работают, куска хлеба ради... а вот, когда и они...

Шишкин (входит быстро). Добрый вечер! (Поле.) Здравствуйте, русоволосая дочь короля Дункана.

Поля. Что? Какого короля?

Шишкин. Ага-а! Поймал! Вижу теперь, что Гейне-то вы не читали, хотя книжка у вас находится более двух недель. Здравствуйте, Татьяна Васильевна!

Татьяна (протягивая руку). Ей теперь не до книг... Она выходит замуж...

Шишкин. Но-о? За кого это? а?

Цветаева. За Нила...

Шишкин. А-а! В этом случае – еще могу поздравить... Но, вообще говоря, это не умная штука – жениться, выходить замуж и прочее в этом духе... Брак при современных условиях...

Татьяна. Ой, нет, не надо! Избавьте! Вы уже не однажды высказывались по этому поводу...

Шишкин. Когда так, – молчу! Кстати – мне и некогда. (Цветаевой.) Вы идете со мной? Прекрасно! Петра – нет?

Поля. Он наверху...

Шишкин. Мм... Нет, не пойду к нему! Я попрошу вас, Татьяна Васильевна... или вас, Поля... скажите ему, что я... опять того, знаете... то есть, что урок у Прохорова – свободен...

Цветаева. Опять? Ну, не везет вам!

Татьяна. Вы поругались?

Шишкин. Собственно говоря... не очень! Я – сдержанно...

Цветаева. Но – из-за чего? Ведь вы же сами хвалили Прохорова?..

Шишкин. Увы! Хвалил... черт побери! И, в сущности, он... порядочнее многих... неглуп... немножко вот – хвостун... болтлив и вообще (неожиданно и горячо) – порядочная скотина!

Татьяна. Едва ли теперь Петр станет доставать вам уроки...

Шишкин. Н-да, пожалуй, рассердится он...

Цветаева. Да что у вас вышло с Прохоровым?

Шишкин. Представьте себе, он – антисемит!

Татьяна. А вам какое дело до этого?

Шишкин. Ну, знаете... неприлично это! Недостойно интеллигентного человека! И вообще он – буржуй! Хотя бы такая история: его горничная ходила в воскресную школу. Чудесно! Он же сам прескучно доказывал мне пользу воскресных школ... о чем я его совсем не умолял! Он даже хвастался, что я-де один из инициаторов устройства школы. И вот недавно, в воскресенье, приходит он домой и – ужас! Дверь отворяет не горничная, а нянька! Где Саша? В школе. Ага! И – запретил горничной посещать школу! Это как назвать, по-вашему?

(Татьяна пожимает плечами молча.)

Цветаева. А такой он говорун...

Шишкин. Вообще говоря, Петр, точно на смех, достает мне уроки всё у каких-то шарлатанов.

Татьяна (сухо). Помнится, вы очень хвалили казначея...

Шишкин. Да... конечно... старикашка милый Но – нумизмат! Сует мне под нос разные медяшки и говорит о цезарях, диадохах и разных там фараонах с колесницами. Ододел, – сил моих нет! Ну, я ему и говори: «Послушайте, Викентий Васильевич! А по-моему, все это – ерунда! Любой булыжник древнее ваших медяков!» Он – обиделся. «Что же, говорит, я пятнадцать лет жизни на ерунду убил?» Я же – ответил утвердительно. При расчете он полтину мне не додал... очевидно, оставил ее для пополнения коллекции. Но это – пустяки... а вот с Прохоровым я... н-да... (Уныло.) Скверный у меня характер! (Торопливо.) Слушайте, Марья Никитишна, идемте, пора!

Цветаева. Я готова. До свидания, Таня! Завтра воскресенье... я приду к тебе с утра...

Татьяна. Спасибо. Мне... право, кажется, что я какое-то ползучее растение у вас под ногами... ни красы во мне, ни радости... а идти людям я мешаю, цепляясь за них...

Шишкин. Какие вредные мысли, фу-у!

Цветаева. Обидно слышать это, Таня...

Татьяна. Нет, погоди... ты знаешь? Я понимаю: поняла жестокую логику жизни: кто не может ни во что верить – тот не может жить... тот должен погибнуть... да!

Цветаева (улыбаясь). Разве? А может быть, нет?

Татьяна. Ты передразниваешь меня... ну, стоит ли? Смеяться надо мною... стоит ли?

Цветаева. Нет, Таня, нет, милая! Все это говорит твоя болезнь, усталость, а не ты... Ну, до свидания! И не считай нас жесткими и злыми...

Татьяна. Идите... до свидания!

Шишкин (Поле). Ну-с, когда же вы будете читать Гейне? Ах да, вы замуж... гм! Против этого можно бы коечто сказать... но – до свидания! (Уходит вслед за Цветаевой. Пауза.)

Поля. Наверно, скоро всеобщая кончится... Сказать, чтоб подавали самовар?

Татьяна. Едва ли старики будут пить чай... как хочешь, впрочем. (Пауза.) Раньше тишина тяготила меня, а теперь мне приятно, что у нас тихо.

Поля. Вам не пора ли принять лекарство?

Татьяна. Нет еще... Последние дни у нас было так суетно, крикливо. Какой шумный этот Шишкин...

Поля (подходя к ней). Хороший он...

Татьяна. Добрый... но глупый...

Поля. Славный он, смелый. Где что увидит несправедливое – сейчас вступается. Вот – горничную заметил. А кто замечает, как живут горничные и другие люди, служащие богатым? И если заметит кто, – разве вступится?

Татьяна (не глядя на Полю). Скажи мне, Поля... Ты не боишься... за Нила замуж идти?

Поля (спокойно, с удивлением). Чего же мне бояться? Нет, ничего, я не боюсь...

Татьяна. Чего?.. А я... боялась бы. Я говорю с тобой об этом потому, что... люблю... тебя! Ты не такая, как он. Ты – простая... он – много читал, он уж образованный. Ему, может быть, скучно с тобой... Ты думала об этом, Поля?

Поля. Нет. Я знаю, он меня любит...

Татьяна (с досадой). Как можно это знать...

(Тетерев вносит самовар.)

Поля. Вот спасибо вам! Пойду за молоком. (Уходит.)

Тетерев (он с похмелья, опухший). Иду мимо кухни, а Степанида взмолилась: «Батюшка! Внеси самовар! Я, говорит, тебе, когда понадобится, огурчика дам, рассольцу...» Соблазнился я, чревоугодник:

Татьяна. Вы уже ото всенощной?

Тетерев. Нет, не ходил сегодня. Башка трещит. Вы – как? Лучше чувствуете себя?

Татьяна. Ничего, спасибо. Меня об этом спрашивали раз двадцать в день... Я чувствовала бы себя еще лучше, если б у нас было менее шумно. Меня немножко раздражает эта беготня... все куда-то стремятся, кричат. Отец – злится на Нила, мать – все вздыхает... А я лежу, наблюдаю и... не вижу смысла в том, что они... все эти... называют жизнью.

Тетерев. Нет, любопытно! Я человек посторонний, не причастный делам земли... живу из любопытства и нахожу, что здесь – довольно интересно.

Татьяна. Вы невзыскательны, я знаю. Но – что ж тут интересного?

Тетерев. А вот – люди настраиваются жить. Я люблю слушать, когда в театре музыканты настраивают скрипки и трубы. Ухо ловит множество отдельных верных нот, порою слышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорее услышать, – что именно будут играть музыканты? Кто из них солист? Какова пьеса? Вот и здесь тоже... настраиваются...

Татьяна. В театре... да. Там приходит дирижер, взмахивает палочкой, и музыканты скверно, бездушно играют какую-нибудь старую, избитую вещь. А здесь... а эти? Что они способны сыграть? Я не знаю.

Тетерев. Кажется что-то фортиссимо...

Татьяна. Посмотрим. (Пауза. Тетерев раскуривает трубку.) Зачем вы трубку курите, а не папиросы?

Тетерев. Удобнее. Ведь я – бродяга, большую часть года провожу в дороге. Вот опять скоро уйду. Установится зима, и я – в путь.

Татьяна. Куда?

Тетерев. Не знаю... Да ведь это все равно...

Татьяна. Замерзнете где-нибудь... нетрезвый...

Тетерев. В дороге – никогда не пью.. А и замерзну – что ж в этом? Лучше замерзнуть на ходу, чем сгнить, сидя на одном месте...

Татьяна. Это вы на меня намекаете?

Тетерев (испуганно вскакивая). Боже упаси! Что вы? Разве я... я не зверь!

Татьяна (с улыбкой). Да вы не беспокойтесь. Меня ведь это не обижает. У меня потеря болевой чувствительности.

(С горечью.) Все знают, что меня нельзя обидеть. Нил, Пелагея, Елена, Маша... Они ведут себя, как богачи, которым нет дела до того, что чувствует нищий... что думает нищий, когда видит, как они кушают редкие яства...

Тетерев (сморщив лицо, сквозь зубы). Зачем унижение? Надо уважать себя...

Татьяна. Ну, хорошо... оставим это! (Пауза.) Скажите мне что-нибудь... про себя! Вы никогда не говорите о себе... Почему?

Тетерев. Предмет большой, но неинтересный.

Татьяна. Нет, скажите! Почему вы... так странно живете? Вы кажетесь мне умным, даровитым... Что случилось с вами в жизни?..

Тетерев (скалит зубы). Что случилось? О, это длинная и скучная история... если ее рассказывать своими словами...

Я –

Солнца, счастья шел искать...

Наг и бос вернулся вспять,

И белье и упованья

Истаскал в своем скитанье.

Но это объяснение красиво слишком для меня... хотя оно и кратко. К нему добавить надо, что в России удобнее, спокойнее быть пьяницей, бродягой, чем трезвым, честным, дельным человеком. (Входят Петр и Нил.) Только люди безжалостно прямые и твердые, как мечи, – только они пробьют... А! Нил! Откуда?

Нил. Из депо. И после сражения, в котором одержал блестящую победу. Этот дубиноголовый начальник депо...

Петр. Наверное, тебя скоро прогонят со службы...

Нил. Другую найду...

Татьяна. Знаешь, Петр, Шишкин поругался с Прохоровым и, не решаясь сказать это тебе лично...

Петр (сердито, раздражаясь). Черт бы его побрал! Это... возмутительно! В какое идиотское положение он ставит меня перед Прохоровым? И, наконец, лишает возможности быть полезным другому товарищу...

Нил. Ты погоди сердиться! Узнал бы прежде – кто виноват?

Петр. Я это знаю!

Татьяна. Шишкину не понравилось, что Прохоров антисемит...

Нил (смеясь). Ах, милый петушок!

Петр. Ну, да! Тебе это нравится. Ты тоже совершенно лишен чувства уважения к чужим взглядам... дикие люди!

Нил. Постой! Ты сам-то разве склонен юдофоба уважать?

Петр. Я ни в каком случае не сочту себя вправе хватать человека за глотку!

Нил. А я – схвачу...

Тетерев (разглядывая спорящих поочередно). Хватай!

Петр. Кто дал... кто дал вам это право?

Нил. Прав – не дают, права – берут... Человек должен сам себе завоевать права, если не хочет быть раздавленным грудой обязанностей...

Петр. Позволь!..

Татьяна (тоскливо). Ну, закипает спор... бесконечный спор! Как вам не надоедает?..

Петр (сдерживаясь). Извини, я не стану больше! Но, право же, – ведь этот Шишкин ставит меня...

Татьяна. Я понимаю... он глупый!

Нил. Он славный парень! Не только не позволит наступить себе на ногу, – сам первый всякому наступит! Хорошо иметь в себе столько чувства человеческого достоинства...

Татьяна. Столько ребячества, хотел ты сказать?

Нил. Нет, я не ошибся. Но пусть – это ребячество – и все-таки хорошо!

Петр. Смешно...

Нил. Н-ну, когда единственный кусок хлеба отшвыривается прочь только потому, что его дает несимпатичный человек...

Петр. Значит, тот, кто швыряется хлебом, недостаточно голоден... Я знаю, – ты будешь возражать. Ты сам таков... ты тоже... школьник... Вот ты на каждом шагу стараешься показать отцу, что у тебя нет к нему ни капли уважения... зачем это?

Нил. А зачем это скрывать?

Тетерев. Дитя мое! Приличие требует, чтоб люди лгали...

Петр. Но какой смысл в этом? Какой?

Нил. Мы, брат, не пойдем друг друга... нечего и говорить. Все, что делает и говорит твой отец, – мне противно...

Петр. Мне тоже противно... может быть! Однако я сдерживаюсь. А ты постоянно раздражаешь его... и это раздражение оплачиваем мы – я, сестра...

Татьяна. Да будет вам! Ведь скучно же это!

(Нил, взглянув на нее, отходит к столу.)

Петр. Тебя беспокоит разговор?

Татьяна. Мне надоело! Одно и то же... всегда одно и то же!

(Входит Поля с кринкой молока в руке. Видя, что Нил мечтательно улыбается, она оглядывает публику и говорит.)

Поля. Смотрите, какой блаженный!

Тетерев. Ты что смеешься?

Нил. Я? Я вспоминаю, как отчитывал начальника депо... Интересная штука – жизнь!

Тетерев (густо). Аминь!

Петр (пожимая плечами). Удивляюсь! Слепыми, что ли, рождаются оптимисты?

Нил. Оптимист я или что другое, – это неважно, – но жить – мне нравится! (Встает и ходит.) Большое это удовольствие – жить на земле!

Тетерев. Да, любопытно!

Петр. Вы оба – комики, если вы искренние люди!

Нил. А ты... уж я не знаю – как тебя назвать? Я знаю, – и это вообще ни для кого не тайна, – ты влюблен, тебя – любят. Ну, вот хотя бы по этому поводу – неужели тебе не хочется петь, плясать? Неужели и это не дает тебе радости? (Поля гордо смотрит на всех из-за самовара. Татьяна беспокойно ворочается, стараясь видеть лицо Нила. Тетерев, улыбаясь, выколачивает пепел из трубки.)

Петр. Ты забываешь кое-что. Во-первых – студентам жениться не позволено; во-вторых – мне придется выдержать баталию с родителями; в-третьих...

Нил. Батюшки! Да ведь это что же? Ну, тебе остается одно – беги! Беги в пустыню!..

(Поля улыбается.)

Татьяна. Ты балаганишь, Нил...

Нил. Нет, Петруха, нет! Жить, – даже и не будучи влюбленным, – славное занятие! Ездить на скверных паровозах осенними ночами, под дождем и ветром... или зимою... в метель, когда вокруг тебя – нет пространства, все на земле закрыто тьмой, завалено снегом, – утомительно ездить в такую пору, трудно... опасно, если хочешь! – и все же в этом есть своя прелесть! Все-таки есть! В одном не вижу ничего приятного, – в том, что мною и другими честными людьми командуют свиньи, дураки, воры... Но жизнь – не вся за ними! Они пройдут, исчезнут, как исчезают нарывы на здоровом теле. Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!..

Петр. Не раз я слышал эти речи. Посмотрим, как тебе ответит жизнь на них!

Нил. Я заставлю ее ответить так, как захочу. Ты – не страшай меня! Я ближе и лучше тебя знаю, что жизнь – тяжела, что порою она омерзительно жестка, что разнузданная, грубая сила жмет и давит человека, я знаю это, – и это мне не нравится, возмущает меня! Я этого порядка – не хочу! Я знаю, что жизнь – дело серьезное, но неустроенное... что оно потребует для своего устройства все силы и способности мои. Я знаю и то, что я – не богатырь, а просто – честный, здоровый человек, и я все-таки говорю: ничего! Наша возьмет! И я на все средства души моей удовлетворю мое желание вмешаться в самую гущу жизни... месить ее и так и эдак... тому – помешать, этому – помочь... вот в чем радость жизни!

Тетерев (усмехаясь). Вот смысл глубочайшей науки! Вот смысл философии всей! А всякой другой философии – ан-нафема!

Елена (в двери). По какому поводу здесь кричат и махают руками?

Нил (бросаясь к ней). Барыня! Вы меня поймете! Я пел сейчас славу жизни! Ну, говорите: жизнь – удовольствие!

Поля (негромко). Жить – очень хорошо!

Елена. Кто против этого?

Нил (Поле). Эх, ты... тихая моя!

Елена. При мне – не любезничать!

Петр. Черт знает что такое! Точно пьяный...

(Татьяна, откинув голову на спинку кушетки, медленно поднимает руки и закрывает лицо свое.)

Елена. Постойте! Вы собрались пить чай? А я пришла звать вас к себе... Ну, и я останусь с вами, – у вас сегодня весело. (Тетереву.) Только вы, мудрый ворон, вы один нахохлились – чего ради?

Тетерев. Мне тоже весело. Только я люблю веселиться молча, а скучать – громко...

Нил. Как все большие, умные, угрюмые псы...

Елена. Я никогда не видела вас ни грустным, ни веселым, а только философствующим. Знаете, господа, – знаешь, Таня, – он обучает меня философии. Вчера прочитал целую лекцию о некотором законе достаточного основания... эх! я забыла, как этот удивительный закон выражается... в каких словах? В каких?

Тетерев (улыбаясь). Нет ничего без основания, почему оно есть...

Елена. Вы слышите? Вот я какие мудрые штуки знаю! Вы вот не знаете, что закон этот являет собой – являет, это самое настоящее философское слово! – являет собой... что-то вроде зуба, потому что у него четыре корня... верно?

Тетерев. Не смею спорить...

Елена. Ну, конечно! Посмели бы вы! Корень первый – а может, и не первый – закон достаточного основания бывания... бывание – это материя в формах... вот я – материя, принявшая – не без основания – форму женщины... но зато – без всякого уже основания – лишённая бытия. Бытие – вечно, а материя в формах – побывает на земле и – фьюить! Верно?

Тетерев. Ладно, сойдет...

Елена. Еще я знаю, что существует каузальная связь, априори и апостериори, но кто они такие, – забыла! И если я от всех этих премудростей не стану лысой, так буду умной! А самое интересное и премудрое во всей философии вот что: зачем вы, Терентий Хрисанфович, говорите мне о философии?

Тетерев. Потому, во-первых, что смотреть мне на вас очень приятно...

Елена. Спасибо! Во-вторых, наверное неинтересно...

Тетерев. Во-вторых, потому, что, только философствуя, человек не лжет, ибо, философствуя, он просто – выдумывает...

Елена. Ничего не поняла! Да, Таня, как ты себя чувствуешь? (Не дожидаясь ответа.) Петр... Васильевич! Вы чем недовольны?

Петр. Собой.

Нил. И всем остальным?

Елена. Знаете, – мне ужасно хочется петь! Как жаль, что сегодня суббота и всенощная еще не отошла... (Входят старики.) А! вот идут богомольцы! Здравствуйте!

Бессемёнов (сухо). Наше вам почтение...

Акулина Ивановна (тоже недовольно). Здравствуйте, матушка! Только мы вас уж видели сегодня.

Елена. Ах, да! Я позабыла... Ну, что же... в церкви... жарко было?

Бессемёнов. Мы не затем туда ходили, чтобы климат измерять...

Елена (смущаясь). О, разумеется... я хотела спросить не о том... я хотела спросить... много было народа?

Акулина Ивановна. Не считали мы, матушка...

Поля (Бессемёнову). Чай пить – будете?

Бессемёнов. Сначала поужинаем... Мать, ты поди-ка, приготовь там. (Акулина Ивановна уходит, шмыгая носом. Все молчат. Татьяна встает и переходит к столу, поддерживаемая Еленой. Нил садится на место Татьяны. Петр шагает по комнате. Тетерев, сидя около пианино, следит за всеми, улыбаясь. Поля – у самовара.

Мещане. Максим Горький gorki.ucoz.ru

Бессемёнов сидит в углу, на сундуке.) Какой народ стал – вор, даже удивительно! Давеча, как шел я с матерью в церковь, – дощечку положил у ворот, через грязь, чтобы пройти. Назад идем, а дощечки уж нету... стащил какой-то жулик. Большой разврат пошел в жизни... (Пауза.) В старину жуликов меньше было... всё больше разбойничали люди, потому – крупнее душой были все... стыдились из-за пустяков совесть тревожить... (На улице, за окном, раздаётся пение и звуки гармоники.) Ишь... поют. Суббота, а они поют... (Пение приближается, поют в два голоса.) Наверное – мастеровые. Чай, пошабашили, сходили в кабак, пропили заработок и дерут глотку... (Пение под окнами. Нил, прислонив лицо к стеклу, смотрит на улицу.) Поживут эдак-то год... много – два, и – готовы! Золоторотцами будут... жуликами...

Нил. Кажется, это Перчихин...

Акулина Ивановна (из двери). Отец, иди ужинать...

Бессемёнов (вставая). Перчихин... тоже вот... бесполезной жизни человек... (Уходит.)

Елена (проводив его взглядом). А у меня... удобнее чай пить...

Нил. Вы очень остроумно разговаривали со стариками.

Елена. Я... он меня смущает... Он не любит меня... и мне это как-то... неприятно... даже обидно! За что меня не любить?

Петр. Он, в сущности, добрый старик... но у него большое самолюбие...

Нил. И он немножко жаден... немножко зол.

Поля. Ш-ш! Зачем говорить так о человеке за глаза? Нехорошо!

Нил. Нет, быть жадным нехорошо...

Татьяна (сухо). Я предлагаю оставить... этот предмет без обсуждения... Отец может каждую минуту войти... Последние три дня он... не ругался... старается со всеми быть ласковым...

Петр. И это ему стоит не дешево...

Татьяна. Надо ценить это... Он стар... он не виноват в том, что родился раньше нас... и думает не так, как мы... (Раздражаясь.) Сколько жестокости в людях! Как все мы грубы, безжалостны... Нас учат любить друг друга... нам говорят: будьте добрыми... будьте кротки...

Нил (в тон ей). И садятся верхом на шею нам и едут на нас...

(Елена хохочет. Поля и Тетерев улыбаются. Петр что-то хочет сказать Нилу и идет к нему. Татьяна укоризненно качает головой.)

Бессемёнов (входит, окидывает Елену недружелюбным взглядом). Пелагея! Там в кухне – твой отец... Поди-ка да скажи ему... чтоб он... в другой раз пришел... когда будет тверезый... да! Ты-де, папаша, иди домой... и все такое!

(Поля и Нил за нею – уходят)

Бессемёнов. Вот... поди и ты... Погляди-ка на будущего... мм... (Обрывается, садится за стол.) Вы что... молчите? Я замечаю, что как я в дверь – вы все сожмете губы...

Татьяна. Мы... и без вас... не много говорим...

Бессемёнов (глядя исподлобья на Елену). А над чем смеялись?

Петр. Так это... пустяки! Нил...

Бессемёнов. Нил! Все от него идет... я так и знал...

Татьяна. Налить вам чаю?

Бессемёнов. Налей...

Елена. Дай, Таня, я налью...

Бессемёнов. Нет, зачем вам беспокоиться? Мне дочь нальет...

Петр. Я думаю, – ведь все равно, кто нальет? Таня нездорова...

Бессемёнов. Я тебя не спрашиваю, как ты думаешь на этот счет. Если тебе чужие люди ближе родных...

Петр. Отец! Ну, как тебе не стыдно?

Татьяна. Начинается! Петр, – будь благоразумен.

Елена (натянута улыбаясь). Ну, стоит ли...

(Дверь широко растворяется, и входит Перчихин. Он выпивши, но не сильно.)

Перчихин. Василь Васильев! Я сюда пришел... ты оттуда ушел... а я – сюда... за тобой...

Бессемёнов (не глядя на него). Пришел, так садись... Вот – чаю выпей... ну...

Перчихин. Н-не надо мне чаю! Кушай сам на здоровье... Я – для разговора пришел...

Бессемёнов. Какой там разговор? Всё пустяки.

Перчихин. Пустяки? Н-ну? (Смеется.) Чудак ты! (Нил входит и, сурово глядя на Бессемёнова, встает у шкафа.) Четыре дня собирался я к тебе придти... ну и пришел...

Бессемёнов. Ну и ладно...

Перчихин. Нет, не ладно! Василь Васильич! Умный ты человек! Богатый человек... ведь я к совести к твоей пришел!

Петр (подходя к Нилу, негромко.) Зачем ты его пустил сюда?

Нил. Оставь! Это тебя не касается...

Петр. Ты всегда делаешь... черт знает что...

Перчихин (заглушая Петра). Старый человек...да-авно я тебя знаю!

Бессемёнов (сердясь). Тебе чего надо?

Перчихин. Скажи мне, – за что ты меня наемни вон из дома выгнал? Думал я, думал, – не возьму, в толк! Скажи, брат! Я – без сердца на тебя пришел... я, брат, с любовью к тебе...

Бессемёнов. С дурной головой пришел ты...вот что!

Татьяна. Петр! Помоги мне... нет, позови Полю...

(Петр уходит.)

Перчихин. Вот – Поля! Дочь моя милая... птица моя чистая... Из-за нее ты меня выгнал? – верно? За то, что она у Татьяны жениха отбила?

Татьяна. О! глупость какая... какая пошлость!..

Бессемёнов (медленно поднимаясь с места). Гляди, Перчихин! Второй раз...

Елена (Нилу вполголоса). Уведите его! Они поругаются.

Нил. Не хочу...

Перчихин. Второй раз – не прогонишь, Василь Васильич! Не за что... Поля... я ее люблю... она у меня – хорошая! Ну, все же я не одобряю... я, брат, ее не одобряю, н-нет! Зачем чужой кусок взяла? Нехорошо...

Татьяна. Лена! Я... уйду к себе... (Елена помогает ей, поддерживая под руку. Проходя мимо Нила, Татьяна говорит ему негромко.) Как не стыдно! Уведите его...

Бессемёнов (сдерживаясь). Перчихин! Ты... молчи! Сиди – молчи... а то ступай домой...

(Входит Поля. За нею Петр.)

Петр (Поле). Да успокойтесь... я вас прошу!..

Поля. Василий Васильевич! За что вы прошлый раз выгнали отца?

(Бессемёнов молча и сурово смотрит на нее и на всех поочередно.)

Перчихин (грозя пальцем). Шш! Дочка! Не говори... Ты – должна понять... Татьяна отравилась – почему? Ага-а? Василь Васильев, – видишь? Я, брат, по чистой правде... я всех вас рассужу... по совести... как надо! Я – очень просто...

Поля. Постой, отец...

Петр. Позвольте, Поля...

Нил. Ты бы молчал...

Бессемёнов. Ты, Палагея, вот что... ты – дерзкая...

Перчихин. Она? Нет, она... у меня...

Бессемёнов. Молчи ты! я что-то плохо разумею... чей это дом? Кто здесь хозяин? Кто судья?

Перчихин. Я! Я рассужу всё... всех, по порядку... Не тронь чужого – раз! Взяла, – отдай назад – два!

Петр (Перчихину). Послушай, – брось болтать! Пойдем ко мне...

Перчихин. Не люблю я тебя, Петр! Гордый ты человек... пустой ты! И ничего ты не знаешь... Что такое канализация? Ага! А мне рассказали, брат... (Петр тянет его за рукав.) Не тронь, постой...

Нил (Петру). Не трогай его... оставь!

Бессемёнов (Нилу). Ты что тут – собак травишь? а?

Нил. Нет, я хочу понять – в чем дело? В чем виноват Перчихин? За что его выгнали?.. При чем здесь Поля?

Бессемёнов. Ты меня допрашиваешь?

Нил. А если вас – так что ж? Вы – человек, – я тоже...

Бессемёнов (бешено). Нет, ты не человек... ты – яд! Ты – зверь!

Перчихин. Ш-ш! Тихо! Надо тихо, по совести...

Бессемёнов (Поле). А ты – ехидна! Ты – нищая!..

Нил (сквозь зубы). Вы не кричите!..

Бессемёнов. Что? Вон! Змееныш... я тебя вскормил от пота-крови...

Татьяна (из своей комнаты). Папаша! Папа!

Петр (Нилу). Ну? Дождался? Эх, ты... стыдился бы!

Поля (негромко). Не... не смейте на меня кричать! Я не раба вам... не можете вы обижать всех... И – вы скажите – за что отца выгнали?

Нил (спокойно). Я тоже требую... здесь не сумасшедшие живут... надо отвечать за свои поступки...

Бессемёнов (тише, сдерживаясь). Уйди, Нил, от греха... уйди! Смотри... ты – выкормок мой... которого я воспитал...

Нил. Не корите меня вашим хлебом! Я отработал все, что съел!

Бессемёнов. Ты... душу мне сожрал... разбойник – ты!..

Поля (берет нила за руку). Идем отсюда!

Бессемёнов. Иди... ползи, змея! Ты все... из-за тебя... ты дочь ужалила... его теперь... проклятая... из-за тебя дочь моя...

Перчихин. Василь Васильич! Тихо! По совести!

Татьяна (кричит). Отец! неправда! Петр – что же ты? (Является в дверях своей комнаты и, беспомощно протягивая руки, выходит на середину.) Петр, не нужно этого! О боже мой! Терентий Хрисанфович! Скажите им... скажите им... Нил! Поля! Ради бога – уйдите! Уходите! Зачем все это...

(Все бестолково суетятся. Тетерев, скаля зубы, медленно встает со стула. Бессемёнов отступает перед дочерью. Петр подхватывает сестру под руку и растерянно смотрит вокруг.)

Поля. Идем!

Нил. Хорошо! (Бессемёнову.) Ну, мы уходим... вот! Мне жаль, что все вышло так громко.

Бессемёнов. Ступай, ступай!.. Уводи ее...

Нил. Я уж не ворочусь...

Поля (громко, дрожащим голосом). Винить меня в таком... винить за Таню... разве можно? Тут разве я виновна? Бесстыдник вы...

Бессемёнов (бешено). Уйдешь ты?!

Нил. Тише!

Перчихин. Ребята, – не сердитесь! Надо – кротко...

Поля. Прощайте! Иди, отец!

Нил (Перчихину). Идем!

Перчихин. Не-ет, я с вами не хочу... мне не рука... я – сам по себе... Терентий! Я сам – один... Мое дело – чистое...

Тетерев. Идем ко мне...

Поля. Иди! Иди же, пока не гонят...

Перчихин. Нет... я не пойду... Терентий, – мне с ними не рука! Я понимаю...

Петр (Нилу). Да уходите вы... черт побери!..

Нил. Иду... прощай... какой однако ты...

Поля. Идем, идем...

(Уходят.)

Бессемёнов (кричит им вслед). Воротитесь! Поклонитесь...

Петр. Оставь, отец! Будет...

Татьяна. Папаша! Милый мой... не надо кричать...

Бессемёнов. Пойдите... Погодите...

Перчихин. Ну, вот... теперь ушли... и хорошо! Пускай их!..

Бессемёнов. Сказать бы мне им на прощанье: злодеи! Кормил, поил... (К Перчихину.) Ты, старый черт! Дурак! Пришел, забормотал... чего тебе надо? чего?

Петр. Папаша! Будет...

Перчихин. Василь Васильич! Не кричи... я тебя уважаю, чудак ты! Глупый я – верно! Но я понимаю... кто куда...

Бессемёнов (садится на диван). Я... потерял мысли. Не понимаю... Что вышло? Вдруг... как летом, в сушь, пожар... Одного – нет... говорит – не ворочусь... Ишь как просто! Ишь ты как... Нет... я этому поверить не могу...

Тетерев (Перчихину). Ну, что ты тут? Зачем ты?

Перчихин. Для порядка... я, брат, рассуждаю просто... Раз-два! Больше никаких! Она мне дочь? Очень хорошо... Значит, – должна она – (Вдруг замолчал.) Плохой я отец... и ничего она не должна... пусть ее живет, как хочет! А Таню мне жалко... Таня... мне жалко тебя... Мне, братцы, всех вас жалко! Эхма!.. Ведь ежели по совести сказать – все вы дураки!..

Бессемёнов. Молчи ты...

Петр. Таня! Елена Николаевна ушла?

Елена (из комнаты Татьяны). Я здесь... Лекарство приготавливаю...

Бессемёнов. Мысли у меня спутались... ничего не понимаю! Неужто Нил... так и уйдет?

Акулина Ивановна (входит, беспокойно). Что случилось? Нил с Пелагеей в кухне там... а я была в чулане...

Бессемёнов. Ушли они?

Акулина Ивановна. Нет... зовут Перчихина... Пелагея говорит, скажите, говорит, отцу... а губы у нее дрожат. Нил, все равно как пес, – рычит... что такое?..

Бессемёнов (вставая). А вот сейчас... вот я пойду...

Петр. Отец, – не надо! Не ходите...

Татьяна. Папаша! Пожалуйста... не надо...

Бессемёнов. Чего – не надо?

Акулина Ивановна. Да что такое?

Бессемёнов. Ты понимаешь... Нил уходит... совсем...

Петр. Ну, что же в том? Уходит и – прекрасно... Зачем он вам? Он женится... он хочет жить своей семьей...

Бессемёнов. А! Так разве... я-то, я – чужой ему?

Акулина Ивановна. Чего ты беспокоишься, отец? Бог с ним! Пускай уходит... У нас свои дети есть... Перчихин – ты чего же? Иди!

Перчихин. Мне с ними – не по дороге...

Бессемёнов. Нет... тут не то совсем... уходишь – уходи! Но – как? Как он ушел... Какими глазами глядел на меня?..

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Елена выходит из комнаты Татьяны.)

Тетерев (берет Перчихина под руку и ведет за собой к двери).

Пойдем зубровки хватим по рюмке...

Перчихин. Эхма, божья дудка! Сурьезный ты...

(Уходят.)

Бессемёнов. Я знал, что он от нас уйдет... ну, только – разве так? А эта... эта... кричит! Поденщица, девчонка... пойду, поговорю им...

Акулина Ивановна. Э, полно-ка, отец! Они – чужие нам люди! Что их жалеть? Ушли и – ладно!

Елена (Петру негромко). Идемте ко мне...

Татьяна (Елене). И я... возьмите и меня!..

Елена. Идем... идемте...

Бессемёнов (услышал ее зов). Куда?

Елена. К себе... ко мне!

Бессемёнов. Кого зовете-с? Петра?

Елена. Да... и Таню...

Бессемёнов. Таня – ни при чем! А Петру ходить к вам... не надо!

Петр. Позволь, отец! Я... не мальчик! Я пойду или не пойду...

Бессемёнов. Не пойдешь!

Акулина Ивановна. Петя! Уступи отцу! Эй, уступи...

Елена (возмущенно). Позвольте, Василий Васильевич!

Бессемёнов. Нет, уж вы позвольте! Хотя вы люди и образованные... хотя вы потеряли совесть... и никого не уважаете:

Татьяна (истерически кричит). Папаша! Перестаньте...

Бессемёнов. Молчи! Когда ты не хозяйка своей судьбы – молчи... стой! Куда?

(Елена идет к двери.)

Петр (бросаясь за нею, хватая ее за руку). Позвольте! На минутку... нужно сразу... нужно объясниться...

Бессемёнов. Нужно меня выслушать. – Сделайте мне милость, – выслушайте! Дайте мне понять – что такое? (Входит Перчихин, сияющий и веселый, за ним Тетерев тоже с улыбкой на лице. Они останавливаются у двери, переглядываются. Перчихин подмигивает на Бессемёнова и махает рукой.) Все куда-то уходят... без всякого объяснения намерений... зря... обидно и беспутно! Куда ты можешь идти, Петр? Ты... что ты такое? Как ты хочешь жить? Что делать?

(Акулина Ивановна всхлипывает. Петр, Елена и Татьяна стоят все трое плотной группой пред Бессемёновым, при его словах: «Куда ты можешь идти» – Татьяна отходит в сторону к столу, где стоит мать. Перчихин знаками показывает что-то Тетереву, трясет головой, взмахивает руками, как бы шугая птиц.) Я имею право спрашивать... ты – молод, ты еще – глуп! Я – пятьдесят восемь лет растягивал жилы мои в трудах ради детей...

Петр. Я слышал это, отец! Я сотни раз...

Бессемёнов. Стой! Молчи!

Акулина Ивановна. Ах, Петя, Петя...

Татьяна. Мамаша, вы... ничего не понимаете!

(Акулина Ивановна трясет головой.)

Бессемёнов. Молчи! Какие ты слова можешь сказать? На что укажешь? Нет ничего...

Петр. Отец! Ты мучаешь меня! Что тебе нужно? Что ты хочешь?

Акулина Ивановна (вдруг громко). Нет, стой! И у меня есть сердце... и я имею голос! Сыночек! Что делаешь? Что затеял? Кого спросил?

Татьяна. Это ужасно! Это какая-то тупая пила. (Матери.) Вы рвете душу... тело...

Акулина Ивановна. Это мать – пила? Мать?

Бессемёнов. Старуха, погоди! Вот он... дай ему сказать...

Елена (Петру). Ну, будет! Я больше – не могу...я ухожу...

Петр. Постойте... ради бога! Сейчас все будет ясно...

Елена. Нет – это сумасшедший дом! Это...

Тетерев. Елена Николаевна, – уйдите! Пошлите их всех к черту!

Бессемёнов. Вы, господин! Вы...

Татьяна. Да кончится ли это? Петр, уйди!

Петр (почти кричит). Отец... смотри! Мать... вот – это моя невеста!

(Пауза. Все смотрят на Петра. Потом Акулина Ивановна всплескивает руками и в ужасе смотрит на мужа, Бессемёнов – точно его оттолкнули – подается всем телом назад и наклоняет голову. Татьяна, тяжело вздохнув, медленно, с опущенными вдоль тела руками, идет к пианино.)

Тетерев (вполголоса). Ловко выбрал время...

Перчихин (выступая вперед). Ну, вот и всё! Вот оно... все разлетаются! Айда, ребяташки, лети из клетки, как птицы в благовещенье...

Елена (вырывая руку из руки Петра). Пустите! Я не могу...

Петр (бормочет). Теперь все ясно... Сразу...

Бессемёнов (кланяясь сыну). Н-ну, спасибо, сынок... за радостное известие...

Акулина Ивановна (с плачем). Погубил ты себя, Петенька! Да разве она... она пара...

Перчихин. Она? Петру? Да... что ты! Старуха! Да – чего он стоит?

Бессемёнов (Елене медленно). Спасибо и вам, барыня! Теперь, стало быть, – пропал он! Ему бы учиться... а теперь... ловко! Хотя я это и чувствовал... (Злобно.) Поздравляю вас с добычей! Петька! Нет тебе благословенья! А ты... ты... поймала? Украла? Кошка... парш...

Елена. Вы не смеете!..

Петр. Отец! Ты... безумный!

Елена. Нет, стойте! Да, это верно! Да, я сама взяла его у вас, сама! Я сама... я первая сама сказала ему... предложила жениться на мне! Вы слышите? Вы, филин? Слышите?... Это я вырвала его у вас! Мне – жалко его! Вы его замучили... вы ржавчина какая-то, не люди! Ваша любовь – это гибель для него! Вы думаете – о, я

знаю! – вы думаете, – для себя я сделала это? Ну, думайте... ох! как я вас ненавижу!

Татьяна. Лена! Лена! Что ты?

Петр. Елена... идемте!

Елена. Знаете, я еще, может быть, – не обвенчаюсь с ним! Вы рады, да? О, это очень может быть! Вы – не пугайтесь прежде время! Я буду так, просто жить с ним... без венца... но вам – не дам его! Не дам! Вы – более его не станете мучить, нет! И он не придет к вам – никогда! Никогда! никогда!

Тетерев. Виват! Виват, женщина!

Акулина Ивановна. Ах, батюшки! Отец... что это! Отец...

Петр (толкая Елену к двери). Иди... Идите... уходите...

(Елена, уходя, увлекает Петра за собой.)

Бессемёнов (беспомощно оглядываясь). Вот как?... (Вдруг громко и быстро, одним резким звуком.) Полицию зови! (Топая ногами.) Долой с квартиры! Завтра же... ах ты!..

Татьяна. Папаша! Что вы?

Перчихин (удивленный, ничего не понимая). Василь Васильич! Голубь! Что ты это? Чего кричишь? Тебе бы радоваться надо...

Татьяна (подходя к отцу). Послушайте...

Бессемёнов. А, ты! Ты еще... осталась! Чего ты не уходишь? Уходи и ты... Не с кем? Некуда? Прозевала?

(Татьяна, отшатнувшись, отходит быстро к пианино. Акулина Ивановна, растерянная и жалкая, бросается к ней.)

Перчихин. Василь Васильич, – брось! Подумай! Учиться Петр теперь не будет... на что ему? (Бессемёнов тупо смотрит в лицо Перчихина и кивает головой.) Жить – есть на что ему. Ты денег накопил... Жена – малина-баба... а ты – кричишь, шумишь! Чудак, опомнись!

(Тетерев хохочет.)

Акулина Ивановна (воет). Все покинули! Бросили!

Бессемёнов (оглядываясь). Молчи, мать! Воротятся... не смеют!.. куда пойдут? (Тетереву.) Ты что тут скалишь зубы? Ты! Язва! Дьявол! Долой с квартиры! Завтра же – долой! Вас шайка целая...

Перчихин. Василь Васильич!..

Бессемёнов. Прочь, ты! Несчастный... бродяга...

Акулина Ивановна. Таня! Танечка! Милая моя! Хворающая ты, несчастная! Что будет?

Бессемёнов. Ты, дочка, все знала... ты знала все... молчала! Заговор против отца? (Вдруг как бы испугавшись.) Ты думаешь... не бросит он ее? бабенку эту? Распутницу... в жены! Мой сын... проклятые вы люди! Несчастные... беспутные!

Татьяна. Оставьте меня! Не дайте мне... возненавидеть...

Акулина Ивановна. Доченька! Неудачливая ты моя! Замучили! Всех нас замучили... за что?

Бессемёнов. А кто? Все нил, разбойник... подлец! И сына он смутил... И дочь страдает! (Увидав Тетерева, стоящего у шкафа.) Ты, оборванец, что? Ты что тут? Вон с квартиры!

Перчихин. Василь Васильич! Его за что? Ах ты... с ума свихнулся, старик!

Тетерев (спокойно). Не кричи, старик! Всего, что на тебя идет, ты не разгонишь... И – не беспокойся... Твой сын воротится...

Бессемёнов (быстро). Ты... ты почему знаешь?

Тетерев. Он не уйдет далеко от тебя. Он это временно наверх поднялся, его туда втащили... Но он сойдет... умрешь ты, – он немножко перестроит этот хлев, переставит в нем мебель и будет жить, – как ты, – спокойно, разумно и уютно...

Перчихин (Бессемёнову). Видишь? Чудак! Горячка! Человек тебе добра желает... ласковые слова говорит для твоего покою... а ты – орешь! Терентий – он, брат, мудрый человек...

Тетерев. Он переставит мебель и – будет жить в сознании, что долг свой перед жизнью и людьми отлично выполнил. Он ведь такой же, как и ты...

Перчихин. Две капли воды!

Тетерев. Совсем такой... труслив и глуп...

Перчихин (Тетереву). Пстой! Ты что?

Бессемёнов. Ты... говори, а не ругайся... как смеешь!

Тетерев. И жаден будет в свое время и так же, как ты, – самоуверен и жесток. (Перчихин удивленно глядит в лицо Тетерева, не понимая – утешает он старика или ругает его. На лице Бессемёнова – тоже недоумение, но речь

Тетерева интересна ему.) И даже несчастен будет он вот так же, как ты теперь... Жизнь идет, старик, кто не поспекает за ней, тот остается одиноким...

Перчихин. Чу? Слышишь? Стало быть, – все идет, как надо... а ты сердисься!

Бессемёнов. Пстой, отвяжись!

Тетерев. И так же вот несчастного и жалкого сына твоего не пощадят, скажут ему правду в лицо, как я тебе говорю: «Чего ты ради жил? Что сделал доброго?» И сын твой, как ты теперь, не ответит...

Бессемёнов. Да... ты вот говоришь тут... ты всегда складно говоришь! А что в душе? Нет, я тебе не верю! И – все-таки – съезжай с квартиры! Будет... терпел я вас – довольно! И ты тоже... многое тут внушил... вредное мне...

Тетерев. Эх, кабы я! Но нет, не я... (Уходит.)

Бессемёнов (встряивая головой). Ну... будем терпеть... ладно! Будем ждать... Всю жизнь терпели... еще будем терпеть! (Идет в свою комнату.)

Акулина Ивановна (бежит вслед за мужем). Отец! Милый ты мой! Несчастные мы! За что нас детки-то? За что казнили? (Уходит в свою комнату. Перчихин стоит посредине и недоумеюще моргает. Татьяна дикими глазами озирается вокруг, сидя на стуле у пианино. Из комнаты стариков доносится глухой говор.)

Перчихин. Таня! Тань... (Татьяна не смотрит на него, не отвечает.) Таня! Из-за чего они – которые разбежались, которые – плачут? А? (Смотрит на Татьяну, вздыхает.) Чудаки! (Смотрит на дверь в комнату стариков, идет по направлению в сени, качая головой.) Пойду и я к Терентью... Чудаки!

(Татьяна, медленно сгибаясь, облакачивается на клавиши. В комнате раздается нестройный, громкий звук многих струн и – замирает.)

Занавес

1901 г.

Мещане. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!